

АНДРЕЙ ВЛАСОВ

Вес Тени

18+

Андрей Власов

Вес Тени

«Автор»

2026

Власов А.

Вес Тени / А. Власов — «Автор», 2026

Слава и Костя привыкли решать вопросы кулаками. Тимур — головой. Анна — хитростью и обаянием. Каждый уверен, что понимает, как устроен мир. Но когда их дороги пересекаются, выясняется: мир устроен сложнее, чем кто-либо из них мог представить. Их связывает нечто, что невозможно контролировать. Может, случай. Может, судьба. А может, просто цепь ошибок, которую уже не разорвать. «Вес Тени» — это грязная, нервная криминальная драма, в которой нет своих и чужих. Нет правых и виноватых. Каждый выбор здесь оставляет след, а за любую мечту приходится платить сполна. Книга не даёт простых ответов. Она заставляет смотреть на тех, от кого обычно отворачиваются, и видеть в них людей. Не хороших, не плохих — живых.

© Власов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вес Тени	5
Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вес Тени

Вес Тени

Глава 1

Из зеркала на Славу глядела незнакомая физиономия: он всё ещё не мог привыкнуть к произошедшей с его внешностью перемене. Раньше его стрижка говорила о нём — так он сам считал — только одно: «Лучше не лезь», а теперь на него смотрел мужчина с модным кропом¹, текстурированной макушкой и строго выверенным фейдом² на висках. И это было настолько непривычно, что он даже не сразу узнал свое отражение.

Барбершоп находился далеко от сердца Санкт-Петербурга, в захудалом торговом центре с потёртой и местами отслоившейся плиткой и вечным запахом хлорки из туалета. Однако мастер оказался хорош и постарался на совесть. Только даже эта идеальная укладка чёрных волос не могла стереть признаки уличной закалки, которые въелись в него за годы: скулы так и остались резко очерченными, подбородок был гладко выбритым и крепким, а в прищуре голубых глаз читалась та дерзость, что заставляла людей напрягаться при первой встрече. Слава выглядел как человек, который примерил дорогой костюм, но не знал, как в нём двигаться.

— Ну как тебе? — спросила Анна — девушка-барбер, всё это время стоявшая за спиной и наблюдавшая за его реакцией в зеркале.

Слава пожал плечами и провёл ладонью по макушке.

— Непривычно, — признался он. — Раньше было как-то лучше. Понятней, что ли. А это... что вообще?

Губы Анны тронула та самая улыбка, которой девушка встречала всех клиентов: открытая, чуть насмешливая и располагающая к себе. Из-за этой улыбки легко было не заметить, как внимательно мастер следит за каждым движением клиента.

— Привыкнешь. Надо было подождать, пока все эти придурки рассосутся. К тому же решила, что сделаю тебе стрижку, которую давно хотела опробовать на ком-то нормальном. Кофе на ночь будешь?

— Конечно. Пару кружек кофе — и спать, — ответил Слава, вставая с кресла, но движение вышло настолько неуклюжим, что он едва не опрокинул это самое кресло (успел подхватить его в последний момент, чуть не смахнув локтем подставку с инструментами).

— Аккуратней, — сказала Анна, протягивая ему чашку и наблюдая, как он пытается совладать с собственными габаритами, распластавшимися в тесном пространстве между креслом и столиком.

Слава был выше неё почти на голову. Спортсменом его назвать было сложно, но суровые уличные реалии, в которых он вырос, сами придали ему определённую физическую форму: плечи были широкими, плотные предплечья покрывала сетка старых шрамов и выцветших татуировок. Лёгкая, качающаяся походка, будто говорящая «Я всегда готов к рывку», свидетельствовала, что перед ними человек, привыкший решать вопросы быстро и без лишних разговоров.

¹ Кроп — это тип причёски, при выполнении которой волосы на верхней части головы делают короткими или средней длины, а височные и затылочная зоны гладко выбривают с плавным переходом, то есть причёска своими боками напоминает стрижку «ёжик», только верх её объёмный. Название образовано от английского слова *crop* («обрезать»), однако мужской кроп причисляют к французским причёскам.

² Фейд (англ. *fade* — «постепенное исчезновение, плавный переход») — это элемент стрижки от коротких волос к длинным (постепенный переход от одной длины прядей к другой).

Слава взял чашку из тонких пальцев девушки, с размаху рухнул на продавленный диван, стоявший неподалёку от него, закинул ногу на ногу, сделал глоток и спросил:

— Ну и чего там у тебя?

Анна была невысокой, стройной. Её внешность притягивала взгляд. Белоснежные, почти платиновые волосы, ярко-зелёные глаза, слишком яркие... Она прекрасно знала цену этого сочетания и умело подчёркивала его то едва заметным хайлайтером, нанесённым на внутренние уголки глаз, то тонким серебряным колье, которое холодно поблёскивало на бледной коже. Её асимметричная стрижка с рваными прядями у лица выглядела небрежно, но за этой нарочитой неаккуратностью чувствовалась рука профессионала, который точно знает, как создать тот или иной эффект. Одетая она была стильно, собственно, как всегда. Анна предпочитала минимализм в одежде: строгие блузы и узкие брюки. Иногда она надевала объёмный кашемировый свитер, делавший её ещё более хрупкой, почти болезненной. На запястье поблёскивал тонкий серебряный браслет, который был неизменным элементом её облика.

На работе Анна играла роль легкомысленной модницы, которая щебечет о новых трендах в мужских стрижках, смеётся над собственными глупыми оговорками и совершенно не разбирается в политике или финансах. Но за её наивной улыбкой скрывался опытный наблюдатель: она замечала, как клиент сжимает подлокотники кресла при упоминании семьи; как меняется его дыхание, когда речь заходит о работе; как бегают глаза, когда он врёт. И тогда словно невзначай она задавала точный, деловой вопрос мягко, почти нежно, и люди начинали говорить, сами того не замечая, о том, о чём не рассказывали даже самым близким, и порой были откровеннее, чем на сеансе у психолога.

— Слышала, у тебя сейчас финансовые сложности, — легко спросила Анна.

Слава насторожился мгновенно, как пёс, почуявший чужого на своей территории.

— От кого слышала?

— Неважно, — махнула она тонкой кистью с серебряным браслетом. — На улицах слухи распространяются быстрее, чем ты успеваешь застегнуть ширинку. Да тут и детektivом быть не надо, чтобы понять: у тебя проблемы, Слава. Шаурменную открыл — прогорел; все же видели то самое видео с крысой возле мяса. Фу, это же просто ужас! Магазины запчастей, насколько я знаю, тоже не «выстрелили», потому что поддельные запчасти под видом оригинала — решение, чреватое самыми кошмарными последствиями. Дела не идут, старые кредиты «висят», а новые уже не дают. Скоро, думаю, за жильё платить будет нечем... Я права?

Слава молча отхлебнул ещё кофе. Горячая жидкость обжигала горло. Он поставил чашку на стол с глухим стуком и, глядя куда-то в сторону, в тёмный угол над её плечом, сказал:

— Надо было в школе учиться. Сейчас бы нормально жил, а не вот это всё. Да ладно, хер с ним, придумаю что-нибудь.

Анна хитро улыбнулась.

— Так вот... Насчёт «придумаю»... Был у меня недавно клиент, подвыпивший, из этих, знаешь, «бока покороче, верх подлиннее», ну, которые любят трепаться о жизни, пока я им виски ровняю. И рассказал он одну забавную, как он считал, историю про своего босса. Босс этот построил дом прямо за городом, в одном будущем очень элитном посёлке, который всё ещё пребывает в сыром виде. Перевёз туда всё барахло, потому что время поджимало, да и семья нового владельца недвижимости торопила его с переездом. В общем, переезжал в спешке. — Она сделала паузу, внимательно посмотрела на Славу, но тот молчал и слушал, уставившись в одну точку. Это напряжённое молчание было лучшим подтверждением того, что её слова попали в точку. — Так вот, он всё перевёз: антикварную мебель, картины, цацки всякие дорогие. Клиент мой рассказывал, что помогал боссу переезжать. И его поразило, как эти недешёвые безделушки валялись прямо в коробках и как попало (на полках, в шкафах, столах). В доме ещё ремонт не закончен, хаос. Сейф стоит несмонтированный, а подрядчик, который должен был поставить охранную сигнализацию, взял предоплату и скрылся в неиз-

вестном направлении. Богатей этот с семьёй улетает за границу на отдых. Билеты уже куплены, они невозвратные; вот он и просит моего клиента, этого болтливого придурка, пару недель там пожить и присмотреть за всем добром. — Слава всё также молчал. Аня продолжила: — Этот козёл, представляешь, звал меня в гости, пока никого нет, говорил: «Там бассейн, ты бы в нём шикарно смотрелась бы»... И всё это при том, что раньше рассказывал про свою девушку, с которой вроде всё серьёзно. Ну козёл же, да?

— Да, — коротко ответил Слава и после паузы добавил: — Так что дальше?

— Если честно, его болтливость меня просто поразила, — продолжила Анна, в её голосе проскользнула нотка искреннего недоумения. — Я думала, что на такую работу берут людей поскромнее, то есть тех, кто умеет держать язык за зубами и не треплется о делах босса с первым встречным. Хотя, может, алкоголь развязал ему язык... Он травил свою историю так громко, что весь барбершоп её слышал; кто-то из клиентов даже поддакивал, смеялся, задавал вопросы. Так что, думаю, можно не париться, что на нас выйдут. Пускай потом сам отвечает за свой длинный язык.

Она присела в кресло напротив дивана, откинулась на спинку, скрестила ноги; тонкая щиколотка мелькнула под краем узких брюк. Анна, не мигая, посмотрела своими зелёными большими глазами прямо на Славу и заговорила снова:

— Ты туда один проберёшься или, может, напарника возьмёшь, и обнесёте там всё? Этого болтуна можно вырубить и связать. Сам решишь, что с ним делать: он не особо крупный, поэтому справишься. А мне символические семь процентов от прибыли за наводку. Спасибо, что не перебивал. Что скажешь?

Слава молчал: переваривал услышанное и пялился на носки своей обуви. В его голове крутилась мысль о деньгах, которых катастрофически не хватало. Он поднял на девушку глаза и спросил:

— Ты и правда думаешь, что я настолько в жопе, что пойду воровать у какого-то важного человека?

— Да какой он важный! — улыбнулась Анна. — Обычный коммерс³, ничего серьёзного. Забыла сказать: у меня есть контакты этого болтуна, плюс адрес его пробила, так что можем за ним проследить и вычислить, где дом того богача. Семья буржуя улетает через пару дней, поэтому время подготовиться есть. И да, я думаю, ты согласишься, потому что всегда любил лёгкие бабки и тёмные делишки. А главное, у тебя получалось их делать; в этом ты спец. В легальном поле же ты себя попробовал и везде провалился, должен банкам крупную сумму. А работа на «дядю» — это вообще не твоё, ты сам это прекрасно знаешь.

Она замолчала, дав ему время осмыслить услышанное. Слава вдруг почувствовал острую, почти детскую потребность оправдаться, объяснить, что он не такой уж конченный неудачник, каким она его сейчас изобразила, и с жаром заговорил:

— Крыса там была потому, что осёл, которого я нанял, оставил дверь нараспашку; пока по делам ходил, она и забежала. Именно в тот момент, когда тварь грызла мясо на вертеле, мимо проходил какой-то урод и заснял её пир на телефон. А с запчастями всё просто: поставщик попался недобросовестный. Я был уверен, что всё оригинальное, раз кореш его посоветовал, и не проверял особо. Думал, нормальный человек...

— Слава, ты не на исповеди, — перебила его Анна. — Мне это вообще не интересно. Просто ответь: берёшься или нет.

— Банкротиться я пока не хочу, и так выходит, что ты последний человек, которому я могу довериться в таких деликатных вещах. Возьмусь, но это точно в последний раз. Сегодня заеду к одному человеку, и если он будет «за», то разведаем все нюансы.

³ Презрительное обозначение коммерсанта (жаргонизм).

— Вот и славненько, — бодро сказала Анна и улыбнулась. — Тем более мои наводки всегда приносили вам удачу, а главное — всегда нацелены на тех людей, от которых не убудет, они это за неделю обратно заработают и даже не заметят. Последнюю наводку помнишь?

— Помню, — ответил Слава и кивнул. — Проще пареной репы было.

Слава вышел из салона. Был прохладный вечер, и воздух освежал лицо. Парень достал телефон, который был поставлен на беззвучный режим и лежал в кармане, и увидел множество пропущенных звонков и сообщений (все до единого были от банков, напоминавших о себе с завидным, почти маниакальным упорством). Он листал однотипные уведомления и чувствовал, как внутри поднимается раздражение пополам с бессилием. Так он добрёл до своей машины — старого чёрного Volkswagen Polo, который знал лучшие времена. Автомобиль всё ещё держался на ходу исключительно благодаря стараниям механика Тимура. После того как Слава сел в салон, он набрал номер друга-мастера.

— Чего, ты дома?

— Не, в гараже: с тачкой одного типа вожусь, — ответил Тимур (было слышно, что на заднем плане скрежещет металл).

— Один?

— Ну допустим, один.

— Ну допустим, сейчас заеду.

Гараж Тимура находился на отшибе, недалеко от промзоны, в месте, настолько уединённом, что случайные люди туда не забредали (только те, кому действительно было что-то нужно). Заброшенные склады с выбитыми окнами, ржавые контейнеры, расписанные уличными художниками, и колючая проволока по периметру создавали гнетущую атмосферу заброшенности и упадка, но мастера она вполне устраивала, потому что здесь никто не мешал ему заниматься любимым делом и никто не совал нос в его дела.

Механик был невысоким и смуглым парнем лет двадцати семи, со светло-кариыми, почти ореховыми глазами, в которых при ближайшем рассмотрении можно было заметить тонкие вертикальные золотистые прожилки. Когда он наклонялся к мотору, его зрачки сужались, словно сканировали невидимые обычному глазу шестерёнки, расположенные внутри сложного механизма. Мужчина был всегда гладко выбрит.

Механик получил прозвище Железяка, которое ему самому не очень нравилось, поэтому он позволял себя так называть лишь самым близким людям. Прозвище это прилипло к нему не только из-за свойственной ему сильной любви к машинам, но и из-за непробиваемой челюсти, которая, как говорили те, кто был свидетелем драк с участием Тимура, выдерживала любые удары: она не ломалась даже в самых жестоких сражениях. Одет он был всегда в бесформенные рабочие штаны с карманами, набитыми гайками, болтами; в футболку, на которой уже невозможно было разобрать рисунок из-за бесчисленных масляных разводов и въевшейся грязи. На поясе у него висел потёртый кожаный чехол с ключами, которые он машинально перебирал в пальцах, как чётки, а тяжёлые ботинки с металлическими вставками Тимур опускал на бетонный пол так, что тот, казалось, дрожал и прогибался под ним.

Характер у Тимура был на удивление спокойным для человека, который каждый день возился с чужим «железом» и выслушивал претензии не всегда довольных клиентов. Если что-то не получалось, он не орал, не пинал машину и не швырял инструменты об стену или пол, а просто откладывал в сторону инструменты, замирал на секунду, закрывал глаза, делал глубокий вдох, затем выдох, а потом снова брался за ключ или отвёртку, но уже с совершенно другим настроением, словно его мозг за эти секунды успевал перебрать все варианты и найти единственно верный. Слава заходил к Тимур в гараж как к себе домой, потому что знакомы они были очень давно, а именно ещё со времён шараги, когда вместе прогуливали пары. Если

бы не Тимур, его «фольксваген» давно можно было бы отправить в утиль и пришлось бы покупать что-то новое, но на это новое денег не было. Старый друг чинил его машину почти бесплатно из уважения к прошлому.

— И где этот шаман железных джунглей? — громко крикнул Слава, войдя в гараж и оглядевшись, но в полумраке виднелись только горы запчастей, мятые канистры и старые покрышки в углу.

Тимур с фонарём на лбу выбрался из смотровой ямы, сделанной прямо в бетонном полу, стряхнул с рабочей футболки пыль и мелкую стружку, и спросил, щурясь:

— Какими судьбами да так поздно?

— Присядем? — предложил Слава, кивнув в сторону входа, около которого стояли красные пластмассовые дешёвые стулья и стол (такие обычно размещают возле уличных забегаловок, чтобы клиенты могли подождать, пока им жарят шаверму или греют сосиски в тесте).

Тимур достал из небольшого холодильника, гудевшего в углу и залепленного старыми наклейками, бутылку пива.

— Тебе не предлагаю — ты же за рулём.

— От одного пива ничего не будет, — ответил Слава и сам взял бутылку из холодильника; он почувствовал, как стекло приятно леденит ладонь.

Друзья вышли на улицу, вдохнули воздух промзоны и уселись на стулья.

— Ну, чего там у тебя? — спросил Тимур, открыл пиво, сделал первый глоток, а затем продолжил: — Хочешь предложить мне очередную тему, от которой я, как обычно, откажусь?

— Нет, не темку, — ответил Слава, в его голосе прозвучало что-то новое, незнакомое Тимуру, — а настоящее серьёзное дело.

— Продолжай.

Слава пересказал Тимуру всё, что поведала ему Анна в барбершопе, не упуская ни одной детали, потому что понимал: от того, насколько убедительно и точно он изложит эту историю, зависит, согласится ли товарищ участвовать в аванюре. Он говорил долго, тщательно подбирая слова.

— И ты, конечно, не скажешь, кто тебя навёл? — спросил Тимур, когда его друг наконец-то завершил свою речь.

— Конечно, не скажу, — ответил Слава, глядя куда-то в сторону, на тёмные очертания близлежащих складов. — Сам знаешь: так дела не делаются. Но человек проверенный, ни разу не подводил.

— И зачем мне это? — Тимур посмотрел на друга с лёгким скептицизмом, отхлебнул пива и вытер губы тыльной стороной ладони. — У тебя куча кредитов и долгов, а у меня-то всё нормально, копеечку какую-никакую всегда имею, на жизнь хватает. Так зачем мне рисковать?

Слава в свою очередь отхлебнул пива, поставил бутылку на потёртый пластиковый стол и посмотрел на Тимура.

— Так ты мне сам миллион раз говорил, как хочешь открыть свою нормальную мастерскую, как тебе надоело лазить в этой яме по локоть в грязи и масле, как ты хочешь нормальный подъёмник, а не эту колдобину в полу. Чего ты этот чермет всю жизнь будешь крутить? Его всё меньше и меньше на дорогах: люди на нормальные машины переходят. Жизнь-то всё лучше и лучше становится, вот только у всех, кроме нас с тобой.

— Я же тебе уже говорил: накоплю по-честному, без этих кредитов с их бешеными процентами, — возразил Тимур. — Просто это займёт чуть больше времени, вот и всё.

— До пенсии будешь копить, потому что больших честных денег у нас с тобой в жизни не будет. А если и накопишь, то там уже здоровья не останется, чтобы нормальной мастерской заниматься. Будешь сидеть на лавке и думать, как жизнь просрал, — уверенно, жёстко и прямо прокомментировал его слова Слава.

— А чего, у нас после этого дела прям сразу миллионы появятся? — с сомнением спросил Тимур.

— Честно, сколько будет, не знаю, — ответил Слава (это признание далось ему с трудом, потому что он привык изображать уверенность, даже когда сам ни в чём не был уверен). — Но копить на свою мастерскую тебе после завершения дела долго не придётся, это уж точно. Дело плёвое. Если мы сейчас заднюю дадим, то не факт, что ещё подвернётся что-то такое же лёгкое. Подобные варианты на дороге не валяются.

— Скажи, кого грабим-то хоть, — попросил Тимур. — Вдруг бандит серьёзный. Что потом делать будем? Найдут — и хана.

— Не переживай. Там ничего серьёзного, — успокаивал его Слава, при этом в голосе горе-бизнесмена звучала беспечная уверенность, которая иногда бесила Тимура, потому что он знал: Слава может понятия не иметь, о чём говорит, но при этом быть очень убедительным. — Мой человек тоже не дурак: указывать на важных дядей не станет.

— Ты точно уверен? — сказал Тимур и внимательно посмотрел на друга.

— Расскажу тебе про последнюю наводку, — начал Слава, так как почувствовал, что нужно подкрепить своё утверждение об успехе авантюры примером и таким образом развеять сомнения механика. — Один человечек настолько забил на безопасность, когда выводил наличку для зарплат, что просто носил её в сумке до машины. Один, представляешь? Вроде и богатый, а всё равно тюфяк. Такие, сам знаешь, забываются со временем и начинают думать, что с ними ничего не случится. Я за ним проследил и выяснил, что он даже не удосуживается сумку через плечо перекинуть: просто несёт её в руке, как авоську с картошкой, и улыбается, сука, будто весь мир у его ног.

— Помнишь тот мотоцикл, который ты мне чинил? — спросил Слава (Тимур кивнул, вспомнив, как провозился с карбюратором целый вечер, а Слава сидел рядом и травил байки). — Так вот: поставил я байк около забора, подбежал, дёрнул сумку, дальше сиганул через забор на мотоцикл и до свидания. Всё так быстро и чётко сделал, что тот даже не понял, что произошло, только рот открыл и стоял, как баран.

— И оставил людей без зарплаты? — спросил Тимур с лёгким осуждением. — Ну красавчик вообще.

— Ничего, задержку в пару дней переживут, — ответил Слава — Уверен: им всё потом выплатили. Да и вообще, сами виноваты, что с таким придурком работают.

— Цинично, однако, — заметил Тимур.

— Ну как есть, — пожал плечами Слава, в этом жесте сквозила философия человека, которого жизнь никогда не гладила по голове. — Либо ты, либо тебя.

— И сколько там было?

— Хватило кое-какое оборудование для ларька с шавермой купить, — признался он.

— Лучше бы мышеловки купил, — не удержался от подкола Тимур (в его голосе прозвучала тёплая насмешка).

Слава усмехнулся, но как-то невесело:

— Смешно. Короче, я пытался организовать легальный бизнес всеми силами, хоть и такими кривыми способами, но, видимо, не судьба. Может, у тебя получится с твоей мастерской, а мне бы чисто долги выплатить, чтобы спать спокойно.

Тимур сидел и задумчиво рассматривал носки своих тяжёлых ботинок, на которых застыли капли масла и засохшей грязи. Молчание затянулось, и Слава начал терять терпение.

— Уверен, что человек несерьёзный? — наконец спросил Тимур, не поднимая глаз. — И что, когда ляжем на дно на какое-то время, нас не найдут и всё нормализуется?

— Уверен, — ответил Слава без тени сомнения. — Завтра я начну дежурить у хаты этого болтливого охранника, потом вычислю дом богатенького Ричи⁴, ну а там дело техники.

Лицо Славы вдруг осветилось тем самым воодушевлением, с которым он всегда рисовал воздушные замки, веря в них больше, чем в реальность.

— Представь: своя большая мастерская, несколько боксов, нормальная зона отдыха для клиентов: диван там, приставка, кофемашина, а не эти ворованные пластмассовые стулья, на которых мы сейчас задницы греем. Свой кабинет прям там, ходишь такой важный, раздаёшь советы другим механикам, которые на тебя работают. Ну песня же, скажи? Представил?

— Представил, как по этапу поедет, если что-то не так пойдёт, — мрачно сказал Тимур.

— Ой, да не думай о плохом! — недовольно сказал ему Слава — Всегда есть риски, и нужно просто уметь их принимать.

— Ладно, я в деле, — согласился Тимур.

На следующий день Слава приехал к дому болтливого охранника на своём чёрном «фольксвагене» и остановился у бордюра напротив нужного подъезда. В голове-то слежка выглядела красиво, гладко — раз-два и дело в шляпе, чистое кино — а на деле пришлось сидеть сиднем, пялиться на облупленную дверь, пока народ туда-сюда ходил. Часы тянулись бесконечно, глаза слипались, а водитель всё не показывался. Слава успел проклясть всё на свете, трижды переставить машину, чтобы не мозолить глаза местным, и почти задремал. Наконец, после обеда объект вышел из подъезда.

«Ну и график у тебя, братан! Нормальные люди в это время пятый кофе допивают», — мысленно прокомментировал Слава, сверяя фотки с камер барбершопа с фигурой, что шустро топала к служебной тачке. Толком было не разобрать, кто идет, но по одежде, телосложению и той особой взвинченной походке, которая бывает у людей, привыкших много сидеть за рулём, понял: это он.

«Так, машину знаем, номера запомнил», — отчитался сам себе Слава и поехал следом за жертвой, стараясь держать дистанцию и не упустить из виду автомобиль. Его ждало то ещё «веселье»: пришлось проехаться с «клиентом» по всему городу, от офиса к офису. Передачи, посылки, бумажки... Мозг закипал от бесконечной суеты, а Слава никогда не отличался терпением. Вечером объект наконец подъехал к дому в новеньком, ещё недостроенном районе, позвонил в дверь, скрылся внутри, а Слава, чтобы не «светиться», просто проехал мимо, чтобы посмотреть и запомнить номер дома и повороты. И даже он, человек, совершенно равнодушный к прекрасному, был поражён красотой этого строительного чуда.

Дом Соколовского возвышался над прилегающим участком и выглядел не как жилище смертного, а как архитектурный манифест чистого конструктивизма. Линии дома были строгими, геометрическими, он был лишён мишуры вроде лепнины или эркеров и прочей «цыганщины» — только бетон, стекло и металл. Каждая линия фасада заверяла: архитектор доказывал теорему, а не строил дом. Глазу не за что было зацепиться (разве что плавно скользит взглядом в выверенном ритме бетонных плоскостей, переходящих одна в другую).

⁴ Отсылка к американской комедии «Богатенький Ричи», вышедшей на экраны в 1994 г. Речь в ней идёт о ребёнке Ричи Риче, родившемся в семье богатых родителей. У него есть собственные американские горки, возможность кататься по городу в «ролс-ройсе», личный «Макдональдс», но совсем нет друзей. Волею судьбы и подложившего в самолёт бомбу человека его родители, летящие на приём к британской королеве, терпят крушение над океаном и оказываются в шлюпке. К счастью, их сын остался дома, так как ждал в гости недавно обрётённых на улицах города друзей. Ричи приходится взять на себя управление деловой империей родителей.

Из панорамных окон от пола до потолка в хороший, ясный день внутрь здания лился светом, делая пространство жилища открытым и бескрайним. Функционализм здесь был возведён в абсолют: стены были сделаны лишь там, где без них нельзя было обойтись. Потолки были высокими, четырехметровыми, и из-за этого возникало странное ощущение, будто ты находишься не в жилом доме, а в каком-то современном музее. Гостиная плавно перетекала в кухню, кухня — в столовую.

На втором этаже располагались спальни, соединённые широкими коридорами. Здесь везде также господствовали чистые геометрические формы. Ванные комнаты напоминали технические отсеки космического корабля: минимум деталей, максимум функций. Плоская крыша с выступающими надстройками представляла собой террасу, с которой открывался панорамный вид на небо.

Ни одной случайной линии, ни одной лишней детали. Взору Славы открылось жилище, идеально подходящее для человека, который привык, что всё в его жизни подчиняется строгому порядку, его правилам.

Территория вокруг дома являлась его продолжением. Дорожки, клумбы, ограждение — всё подчинялось единой системе координат, в которой красота складывалась из точных, чётких линий и ясности форм.

«Ну что, адрес ясен, район свеженький: только отстроили, половина домов пустые, кругом бытовки да стройка... Надо же, везение-то какое! Может, наконец повезло по-крупному?» — подумал Вячеслав.

Выбрав укромный закоулок, он выскочил из машины, быстренько снял левые номера, прицепил настоящие и затем набрал номер Тимура.

— Заеду?

— Давай, — коротко ответил тот.

Тимур сейчас специально не брал заказы (не то, чтобы их навалом было, но всё же чем-нибудь можно было заняться). Он перетащил в гараж стол, кинул на него помятый лист формата А3. Пора было составлять план, продумывать пути отхода, прикидывать, где можно ошибиться.

— Завтра там, в том доме уже пусто будет... Ну почти, — сказал Слава, чертя схему криво, но старательно. — Вот дом. Вот безлюдный пригорок, с которого видно будет нормально. День понаблюдаем, прикинем, как и куда лезть. Главное — не светиться. Тачку поставим подальше.

Он достал из кармана ствол, и Тимур отшатнулся, когда увидел оружие.

— Это чего ещё?!

— Ствол, видишь же. «Тульский Токарев»⁵, если точнее, но переделанный под травмат⁶, — спокойно ответил Слава — Не кипись. Это чтобы того хрена припугнуть, ничего лишнего.

Он выложил на стол белые пластиковые стяжки, которые заскользили по заляпанной маслом столешнице.

— Привяжем его наглухо вот этими штуками. Пока он там выкручиваться будет, мы уже окажемся очень далеко и заляжем на дно.

— Ладно, ты там про сейф говорил, — вспомнил Тимур, всё ещё косясь на ствол, лежащий поверх схемы. — Что с ним? Не будем же мы его на себе тащить. Да и вряд ли этот тип знает, как его открыть.

⁵ «Тульский Токарев» — самозарядный пистолет образца 1933 г. Был разработан в 1930 г. советским конструктором Фёдором Васильевичем Токаревым. Другие названия — пистолет ТТ, ТТ.

⁶ Сокращение от «травматический пистолет». Данное название используется в разговорной речи для обозначения оборотного оружия.

— Возьмём автоген и разрежем стенку, — ответил Слава, водя пальцем по начерченному плану. — Если там графит между слоями, ну затянется дело чуток. Автоген потом бросим. На всякий случай ещё свёрла прихватим разных диаметров. Вбиваешь сверло в замок, потом пассатижами проворачиваешь — и, может, прокатит. С этого и начнём.

— Херня это, — не отрывая всё также взгляда от схемы, возразил Тимур. — Ты сверло пассатижами повернуть не сможешь. Сломается. Им сверлят, а не крутят. Если уж хочешь в замок лезть, надо высверливать механизм «секрета», выбивать обломки и только потом проворачивать отвёрткой. Короче, не бери в голову: этим я сам займусь. Но, а если сейф ну совсем крепкий орешек?

— Если уж совсем крепкий, в чём я сильно сомневаюсь, — Слава хмыкнул, и в этом звуке послышалась вся его вера в то, что мир прогнётся под него, — тогда берём, что есть, и валим.

В этот день погода словно решила вознаградить их за все холодные и дождливые дни петербургского лета. Обычно в Северной столице солнце редко балует жителей своим теплом, а ветер с Невы заставляет кутаться в ветровки и лёгкие куртки даже в разгар июня. Но сегодня небо радовало безоблачной синевой. Подельники неспешно прочесали район, прикинув плюсы и минусы, которыми обладала территория. Почти все дома пустые, заселение ещё не началось. Обычно подобные элитные кварталы находятся под жёсткой охраной, но тут не было ни поста, ни порядка: стройка ещё далека от завершения, поэтому кругом грязь, бытовки да заборы с дырами.

— Ну чего, братан, нам конкретно повезло, — не унимался Слава, потирая ладони. — Такое место грех не обойти, реально всё как на блюдечке лежит.

Выбрав точку для наблюдения за недостроенным забором, с которой было прекрасно виден двор, Слава и Тимур заметили ту самую тачку водилы-болтуна, который стерёг добро босса. Сам охранник почти не высовывался: он только раз вылез во двор и поплавал в бассейне, развалившись на надувном матрасе с видом короля, принимающего подданных.

— Охренеть домишко! Красиво жить не запретишь, — улыбнувшись, сказал Тимур, неотрывно смотревший в бинокль.

— Да он, небось, ходит там и воображает, что всё это его, — проговорил Слава. — Видосики снимает, девчонкам шлёт сообщения типа «приходите в мой дворец».

— Хорошо, что пса нет, — задумчиво сказал Тимур. — Такая территория, а без собаки... Странно.

— Да я тебе говорю: жёсткий фарт! — Слава щёлкнул пальцами. — Упустить такой шанс — это грех, братишка.

— С территорией понятно. А как внутрь дома попасть? — спросил Тимур, опуская бинокль. — Вдруг он на замке?

— А вот так... Слушай, — стал объяснять Слава. — Я просачиваюсь на участок. Ты звонишь в дверь. Он идёт открывать, а я ему — ствол в спину. Дальше он нас в хату пускает, мы заходим, он все двери открывает, мы его скручиваем и затем работаем. Тачку ставим вон там, за кустами.

— Может, ещё понаблюдаем, чтобы получше подготовиться? — предложил Тимур.

— Да чего тут готовиться и к чему? Дело простое. Чем быстрее сделаем, тем лучше. Пока все в теме, пока уверенность есть. Если начнём тянуть, вылезет какая-нибудь неожиданность — и привет.

— Ладно, наверное, ты прав, — согласился Тимур после недолгого раздумья. — Быстрее начнём — быстрее закончим.

Ночь ограбления. В гараже оба друга натянули строительные пропылённые и грязные комбинезоны, маски сунули в карманы, чтобы не надевать их раньше времени. Тимур нацепил парик с дурацким пробором, прилепил накладные усы, которые тут же начали чесаться, и водрузил на нос огромные очки в роговой оправе.

Сели в тачку с левыми номерами, прикрученными на скорую руку, и тронулись в путь. На ходу проговаривали план, отвечая на вопросы «А если он не один?», «А если там сигналка?», «А если полезет в драку?» и придумывая варианты действий.

Оставили машину в условленном месте (там, где её не будет видно с дороги). Переглянулись, стукнули кулаками и пожелали друг другу удачи. Разделились. Телефоны перевели в режим рации, наушники воткнули поглубже.

«Хорошо, что белые ночи уже отгремели», — думал Слава, пробираясь сквозь заросли к дырке в заборе, которую выбрал ещё днём. Ветки цеплялись за одежду, под ногами хрустел мусор, но мужчина двигался тихо, так, как научился когда-то давно, ещё в бытность свою в шараге, когда они с пацанами лазили по заброшкам. Дошёл до нужного места, проскользнул во двор, прижался спиной к холодному кирпичу стены и замер.

— На месте, — шепнул Слава в рацию.

Через пару минут слышались шаги Тимура, потом звонок в дверь, длинный, настойчивый. Из дома не доносилось ни звука. Тимур надавил снова короче, требовательнее. Вдруг наверху распахнулось окно.

— Кто?! — крикнул водила, пялясь в темноту.

Славу словно током ударило. «Твою мать, какие же мы тупицы! Всё обговорили, каждую мелочь, а если он не откроет и крикнет: „Кто там?“, кем представляться, не решили! Просто вылетело из головы, как будто само собой подразумевалось, что он молча отопрёт».

— Да я маляр со стройки! — выдал Тимур без запинки (в голосе звучала усталость, та самая, что характерна для работяги, у которого выдался дерьмовый день). — Все мои уехали, а мне работу доделать надо было, поэтому задержался. Гляжу, а телефон сел. Дай, пожалуйста, зарядиться, потом я такси вызову. Поможешь, командир?

«Какой же красавчик Тимурка!» — мысленно восхитился Слава находчивостью и актёрским талантом друга.

— Сейчас иду!

Через минуту загремел замок, и водила в мятых спортивных штанах и растянутой футболке вышел на крыльцо. «Вблизи не такой уж и мелкий», — отметил Слава, прячась за пластиковой бочкой для воды и сжимая в кармане рукоять ТТ.

Как только горе-охранник подошёл к калитке и взялся за щеколду, Слава быстро и бесшумно сорвался с места и оказался у него за спиной, приставил ствол к пояснице и прошептал:

— Тихо-тихо, не суетись. Руки поднял.

Водила замер, потом медленно, словно нехотя, поднял руки и забормотал:

— Понял-понял, не нервничай, всё нормально.

— Один в доме?

— Один, да.

— В дом идём. Не оборачивайся, — скомандовал Слава, подтолкнув жертву стволом в спину.

Тимур проскользнул во двор, сдёрнул парик, натянул маску и затащил за собой автоген, который глухо звякнул о землю. Водила шёл спокойно, даже слишком спокойно.

— Грабить пришли? — спросил он через плечо (в голосе его не было ни страха, ни удивления).

— Нет, блин, кино смотреть! — огрызнулся Слава. — Иди молча и открывай двери. Будешь чудить — жопу прострелю.

По очереди (жертва впереди, грабители сзади) переступили порог. От просторности дома аж дух захватило.

— Ну что? Экскурсию устроишь нам? Или усложнять будешь? — грозно спросил Слава.

Глава 2

За день до ограбления.

— Эй, это что, его тачка, что ли? — спросил Константин, стоявший у окна.

В квартире Константина — стандартной холостяцкой однушке на четвёртом этаже панельной многоэтажки — не было ничего лишнего, всё под стать хозяину. Сразу от входа справа была комната, слева — дверь в крохотную ванную, а прямо по коридору — кухня с единственным окном. Из мебели на кухне только самое необходимое: стол с пластиковой столешницей, два табурета и старое, продавленное, придвинутое спинкой к стене кресло, на ткани которого виднелся выцветший от времени гобелен. На подоконнике стояла кружка с засохшей чайной заваркой — Костя редко бывал дома и ещё реже мыл посуду. В данный момент он, упёршись коленом в сиденье кресла, расположился около окна. Штора была отдернута так, чтобы можно было спокойно наблюдать за происходящим на улице, но самому оставаться в тени.

К Константину подошла Анна. Мужчина почувствовал, как её тонкие пальцы легли на его плечо, а взгляд скользнул вниз на припаркованный у соседнего дома чёрный «полик»⁷. Костя выглядел совсем не так, как описывала его Анна во время разговора со Славой. У охранника были коротко стриженные тёмные волосы; лицо человека, привыкшего держать всё под контролем; простые чёрные джинсы и такого же оттенка чёрного футболка, подчёркивающая широкие плечи и руки; на запястье массивные часы с потёртым ремешком (не роскошь, подчёркивающая статус, а рабочая вещь). От него веяло уверенностью и силой, причём не той, что рвётся наружу и выражается в крике и жестах, а той, что тихо дремлет до поры до времени, а когда наступает час для её применения, грозно и спокойно проявляет себя.

— Ну да, она самая, — ответила Анна с нотками удовлетворения в голосе. — Видать, сегодня решил за тобой слежку устроить, проверить, как ты живёшь.

— Пускай следит, — Костя отпустил конец шторы и отвернулся от окна. — Я сегодня как раз по делам шефа мотаться буду, кучу всего надо передать и забрать. Накатается вместе со мной досыта, поэтому пусть любит.

Анна прошла к столу, взяла чашку с остывшим кофе, сделала глоток и, глядя на Костю поверх её края, произнесла задумчиво:

— Думаю, они пойдут на дело в первый-второй день отпуска твоего босса. Слава вообще нетерпеливый: долгая разведка и подготовка — это не про него. Ему лишь бы быстрее, лишь бы сорвать куш и свалить. Тебе хватит времени подготовиться?

— Конечно, — ответил Костя. — Часть налички и всё, что подороже, из брюликов я свисну сразу, как только самолёт с моим «любимым» шефом поднимется в небо. Чтоб ты понимала: денег от продажи цацек хватит надолго на очень хорошую жизнь. А когда я пообещаю шефу найти этих придурков и в итоге найду, он мне премию выпишет. Думаю, она будет из пяти моих зарплат, не меньше. Нехило, а? Немалая часть всего этого твоя за блестящую идею.

⁷ Здесь «полик» — разговорное наименование автомобиля марки Volkswagen Polo, периодически употребляемое в романе.

— А с этими бедолагами, когда ты их найдёшь, он что сделает? — Анна чуть нахмурилась, и в её ярко-зелёных глазах мелькнуло что-то похожее на беспокойство. — Не убьёт же, надеюсь?

— Да брось! Он не такой. На бабки поставит, и всё. Следующий годок, глядишь, может, и второй, и третий за моральный ущерб — за сорванный отпуск и всё такое — будут ему выплачивать. Ты сама-то как? Когда я их найду, не боишься, что они до тебя докопаются?

— Да я из барбершопа уже уволилась на всякий пожарный, — Анна задумчиво посмотрела на Костю. — А этих не боюсь. Обычная уличная шпана, воришки мелкие: то бандитов из себя строят, то бизнесменов, а на деле только языком трепать умеют да угрозами бросаться. Так что всё чики-пуки, не парься.

— Думаешь, когда мы его прижмём, он не сдаст тебя? В смысле, что наводка твоя?

— Слава у нас пацан правильный, своих не сдаёт, — ответила Анна. — Но даже если сдаст, благодаря тебе я это узнаю первой. Лягу на дно, и меня никто за всю свою жизнь не найдёт.

— Отлично, — Костя взял конец шторы, снова слегка отодвинул её, посмотрел в окно и продолжил: — Если вскроется, что я якобы случайно проболтался про отсутствие сигналки... Я тоже не парюсь. Скажу боссу, что просто выговориться решил, мол, какие подрядчики нынче недобросовестные пошли, кидают на бабки. Не повод же это честных людей грабить идти. Выпишет премию, может, поменьше, да и хер с ней: всё равно улов жирный будет.

— Вроде ничего не упустили, — сказала Аня, сделала паузу и покосилась на кофейник.

— Кофе будешь? — спокойно спросила она.

— Да, давай, пусть твой дружок ещё постоит, потомится малость.

Константин неспеша выпил кофе, поставил чашку на стол и потянулся за лёгкой курткой, висевшей на спинке стула.

— Я тебе звякну, когда шеф отчалит и когда пойму, что пора дело делать.

— Ладно. Если чего, я буду недалеко всё это время. Как договорились.

Парочка дружески обнялась на прощание. Затем Костя собрался и вышел из дома. Он направился напрямик к машине. Краем глаза зацепил чёрный «фольксваген», приткнувшийся у соседнего дома, и мысленно усмехнулся: «Ну что, братан, сейчас мы с тобой покатаемся на славу».

Обычно Костя ехал как угорелый. Пробки были ему нипочём: он вилял между рядами, будто в догонялки играл, подрезал, сигналил. Но сегодня всё было по-другому: он плёлся, как пенсионер летом на прогулке, аккуратно перестраивался, пропускал пешеходов, давая тем самым своему «хвосту» почувствовать, что у того всё под контролем, что болтун-охранник никуда не торопится и ничего не подозревает. Пока по-стариковски тащился по дороге, невольно задумался о шефе и вспомнил, как стал водителем-охранником у Александра Андреевича Соколовского. Он мужик суровый. Начинал как коммерсант ещё в те лихие годы, когда возможностей было пруд пруди. Он в этом пруду замутил такой бизнес, что все только рты разинули и позавидовали. Начал с обуви (скупал подешевле, продавал подороже), потом в «челноки» подался: туда-сюда мотался, товар «гонял». Ленился — это было не про него. С кем надо — делился, кому нужно — отстёгивал, так как знал, что жадность фраера погубит.

Чутьё у него было дай бог каждому. Сам вышел на правильную «крышу», так как понимал: рано или поздно придут, так что лучше заранее договориться и спать спокойно. И сработало. Сначала открыл несколько мелких магазинчиков с китайскими товарами, иногда поляки подкидывали товар, реже турки. Потом создал сеть продуктовых в спальном районе, которая стала так популярна, что пришлось расширяться и нанимать ещё людей.

Александр не мог сидеть сложа руки: новые идеи не давали ему покоя, и он осваивал одну бизнес-сферу за другой. Наконец он решил, что пора осуществить мечту — открыть собственную большую пивоварню. Ради этого он продал всё, повторяя после каждой продажи, как

мантру, присказку: «Кто не рискует, тот не пьёт пиво, сваренное на собственном пивзаводе». И у него всё получилось: пивоварня превратилась в полноценный завод. Прибыль поплёрла будь здоров: в минус не уходили ни разу, а качество продукта держалось на высшем уровне. Народ оценил марку и стабильно её покупал. В один прекрасный день Александр решил: хватит самому заправлять всем, пора отойти от дел, дать дорогу молодым и наслаждаться жизнью. Он назначил главой завода директора производства, сам стал соучредителем. Сейчас он только корпоративы заказывал да время от времени запускал новые проекты, не связанные с производством пива, чтобы не заскучать. Последними такими проектами была пара крупных мясных магазинов, куда неугомонный Александр возил мясо со своей же фермы.

Костя же просто оказался в нужном месте в нужное время. Отслужил, вернулся, а заняться на гражданке нечем. В голове у него царила пустота. Дело осложняло ещё и то, что в кармане гулял ветер. Сидел он как-то, просматривал вакансии, и вдруг — опа! — «требуется личный водитель, который при необходимости может исполнить роль охранника». Откликнулся сразу, ни секунды не колебавшись. Собеседование проводил лично будущий шеф Александр Андреевич, мужик за пятьдесят, с широким лбом, прищуренными тёмными глазами, носом с горбинкой и волевым подбородком, какие характерны для настоящих мужчин, изображаемых в различных кинолентах. Припомнились Косте седина на висках, короткая стрижка, рост под сто восемьдесят пять, прямая осанка и твёрдая походка человека, который явно привык, что перед ним всегда расступаются. Одет босс был сдержанно, но дорого, то есть в качественные рубашки без галстука, шерстяные пиджаки, тёмные джинсы (как он понял потом, всё это было неотъемлемыми признаками стиля Александра). Золотые часы и печатка говорили сами за себя. Слова произносил негромко, смотрел прямо, жесты были скупыми, но полными смысла, а в речи проскальзывали то уличные, то строгие, деловые интонации. Шеф сразу расспросил Костю про армию. Было видно: нанимателю по душе, что кандидат только демобилизовался и не успел «разболтаться» на гражданке, а ещё что у Кости есть водительские навыки, которые сам потенциальный работник охарактеризовал коротко: «На космическом уровне просто». Во время испытательного срока он их продемонстрировал: когда нужно было, вёл аккуратно, плавно и пассажиры задрёмывали на заднем сидении, а когда следовало поспешить, ехал быстро, но люди чувствовали, что они, несмотря на то, что автомобиль несётся во весь опор, в безопасности.

После армии Аня стала первой, с кем у Кости завязались хоть какие-то мало-мальски серьёзные отношения, если последние можно было таковыми назвать. Познакомились они в барбершопе, в который он зашёл по вполне естественной причине (постричься) и удалился оттуда с мыслями, которые не выходили из головы несколько дней. Произошло их знакомство следующим образом. Константин закончил все дела по поручению босса в той части города, которая была далека от центра и больше напоминала спальный лабиринт из панелек и редких, чахлах торговых точек. Он курил у машины, выпуская дым в сторону облезлой вывески торгового центра, когда в памяти всплыло: пара дней назад какой-то наглый «шустрик», не спросив разрешения, сунул рекламку с надписью «Первая стрижка бесплатно» под дворник. Костя тогда смял бумажку и закинул её в бардачок, а сейчас, ощутив, что волосы уже прилично отросли, подумал: почему бы и нет? Может, это реально знак судьбы, а не маркетинговая наглость.

Он затаился в последний раз и окинул здание внимательным взором. В окне второго этажа он заметил её, изящную блондинку с волосами, выбеленными до платины. Она стояла у парикмахерского кресла и смотрела куда-то поверх крыш (явно думала о чём-то своём). За её спиной угадывались кресла и зеркала. У Кости перехватило дыхание. Он быстро отвёл глаза, выкинул окурки и решительно направился к зданию.

Барбершоп Константин нашел быстро. Когда он вошёл внутрь, та самая блондинка обернулась к нему и приветливо улыбнулась. Костя на мгновение забыл, зачем вообще сюда при-

шёл, но на его счастье Аня первая решила завязать разговор и дала понять, что клиентов по записи сейчас нет и он может стричься хоть сейчас. Клиент расположился в кресле и почувствовал себя немного не в своей тарелке под её взглядом.

— Видела, как вы у «мерседеса» курили, — Аня встала за его спиной, поправила полотенце на подголовнике, и он поймал её взгляд в зеркале. — Классная тачка. Ваша?

— Хотелось бы, но нет, — ответил Костя, и внутри у него что-то предательски ёкнуло, стоило ей посмотреть на него через отражение. — Служебная. Мне тут рекламка «пришла»: первая стрижка бесплатно, мастер — некая Анна...

Он выудил из кармана тот самый мятый буклетик и протянул ей.

— О, это как раз я, — очень мило улыбнулась Аня, и в этой улыбке было столько простого, почти домашнего тепла, что Костя окончательно пропал.

Завязался разговор, нашлись общие темы. Константин преисполнился той самой сильной симпатией, из-за которой глупеют даже самые прожжённые, умудрённые жизнью мужики. Анна была не против более близкого общения, но сразу расставила границы, поместив Костю во френдзоне с той мягкой, почти незаметной жёсткостью, на какую способны только очень опытные в таких делах женщины. Костя был уверен, что рано или поздно пробьёт эту стену, и это рассуждение придавало ему сил.

Аня рассказала, что долгое время жила на малой родине, в Ленинградской области, в небольшом посёлке, но пять лет назад решила перебраться в Северную столицу, потому что там, где она прожила всё детство и часть юности, по её словам, было душно и тесно. В Санкт-Петербурге она снимала маленькую комнатку одна, отношения заводить совсем не хотела, а на все вопросы о будущем отвечала, что мечтает о собственном салоне красоты.

План ограбления, как думал Константин, родился спонтанно, почти случайно из обрывков разговоров и намёков. Он часто рассказывал Анне о поручениях босса, о деталях жизни семейства Александра (например, о том, что жена шефа очень хочет в отпуск, а он всё тянет с ним). Сам того не подозревая, водитель-охранник стал для неё очень ценным информатором. Как-то раз Костя рассказал, что шеф попросил пожить пару недель в его новом доме и приглядеть за всем добром, которого там оказалось немало, и добавил, что босс говорил, мол, подрядчиков, которые его кинули с сигнализацией, он обязательно найдёт и накажет, но только после отпуска, потому что любимой жене обещал давно океан и отдых. Аня задумчиво тогда сказала:

— Прикинь, я как раз знаю пару гопников нелепых, которые сейчас нуждаются в лёгких и быстрых деньгах.

Костя сначала не понял, в чём прикол и какой ему резон рисковать своим местом и шкуркой. Но Аня терпеливо и доходчиво всё объяснила, расписала схему так, что отказываться было глупо — слишком жирный куш маячил на горизонте. К Александру Костя тёплых чувств не испытывал: бывший вояка воспринимал его как человека, который платит за работу, но при этом Костю очень часто раздражала надменность нанимателя и то, как он свысока смотрит на людей, находящихся ниже него по социальной лестнице, поэтому он согласился на реализацию плана девушки. Особенно способствовало отсутствию чувства вины общее для них с Аней соображение, что с того не убудет. Он прекрасно знал, что, кроме шикарного коттеджа, в который шеф только въехал, у того есть пара квартир в центре, сдаваемых за кругленькую сумму, да и бизнес процветает... Так что если свистнуть у Сашка разного добра миллионов на десять, а то и двадцать, то тот уж как-нибудь переживёт, не обеднеет.

Костя выполнил все поручения Александра и уже подъезжал к дому, когда в зеркале заднего вида заметил чёрную машину Славы. Костя громко рассмеялся на весь салон. При этом его голова сильно затряслась. «Ну профи, конечно, скрытность на высшем уровне просто», — ехидно подумал он про себя. Припарковавшись у коттеджа шефа, он сделал вид, что не замечает слежки: вылез из салона, потянулся, зевнул и позвонил в дверь. Открыл сам Александр.

— Ты чего так долго сегодня? — спросил шеф, окидывая его недовольным взглядом.

— Авария жёсткая была на пути, хер объедешь, поэтому пришлось постоять.

— Понял. Короче, пошли, проведу инструктаж, хотя какой тут инструктаж... Просто проследи, чтобы всякие непонятные личности со стройки местной сюда не залезли. Приеду и всё-таки заставлю тебя получить разрешение на ношение оружия, станешь полноценным секьюрити моим.

— Как-то поздновато вы задумались о личном секьюрити, — заметил Костя, проходя в дом. — Я раньше не спрашивал, но мне всегда интересно было: чего вы так долго без охраны передвигаетесь, машину сами водите...

Александр снисходительно похлопал его по плечу и проговорил:

— За рулём хорошего автомобиля мне самому нравится ездить. А насчёт охраны... Костя, Костя, знал бы ты, с кем я, так скажем, дружу... Все меня знают, ни с кем проблем нет.

— А чего тогда решили меня на работу взять?

— Да молодняк сейчас такой пошёл, который вообще не уважает старую школу. Одним словом, шпана беспринципная. Недавно, скажем так, дальнего знакомого обчистили средь бела дня: он наличку для зарплаты честным людям тащил, а какой-то молодец сумку у него с плеча сдёрнул, сиганул через ограду, прыг на мотоцикл — и поминай как звали. Камеры посмотрели. Там, конечно, он в шлеме. Мотоцикл так и не нашли. Тот, естественно, сам дурак. Ему бы крепким ребятам стоило деньги поручить привезти, но нет... Ему, видите ли, было скучно, вот и решил сам прокатиться. Банька, кстати, есть, знаешь? Можешь пользоваться, не стесняйся. Но девок не води. Узнаю об этом — по голове наступчу.

— Понял, — коротко ответил Костя.

Вскоре Костя по просьбе Александра заказал такси. Охранник помог закинуть чемоданы в приехавшую машину. Жена шефа с детишками сейчас гостила у бабушки, поэтому ехала в аэропорт с ребятами отдельно от мужа.

В час, в который самолёт оторвался от земли, Костя натянул перчатки и спокойно, без суеты прошёлся по дому. Первым делом он wygrеб почти все драгоценности, принадлежавшие Ирине Витальевне, жене босса. Она была примерно одного возраста с Александром, но ей эти побрякушки были не особо интересны. Скорее всего, муж делал такие подарки, чтобы утвердиться в собственных глазах: когда у тебя всё есть и ты можешь позволить себе что угодно, приятно, что на близких надеты дорогие подарки, особенно на самом близком человеке.

Ирина носила лишь пару скромных колец да браслетов, отказывалась от любой пластики, потому что предпочитала естественную красоту, и часто занималась фитнесом. Она не закрашивала сдину и морщинки. Ирина была такой же пробивной и активной, как и её муж: начала она с крохотной пекарни, а теперь владела люксовым рестораном. Познакомились они случайно: Александр только-только открыл первый свой магазинчик, но в первый же свой рабочий день продавец слёг с температурой и шеф сам встал за прилавок, чтобы магазин не простаивал, а первой покупательницей оказалась она. Костя слышал эту историю лишь раз (когда вёз Александра домой после корпоратива, где тот сильно перебрал и пребывал в состоянии, при котором хочется излить душу первому встречному).

Константин в спальне тщательно отбирал собранные драгоценности, раскладывая их на две неравные кучки: те, что ему казались подороже, отправлялись в пакет, а всякая мелочь, по его мнению, пригодная лишь для горе-грабителей, оказывалась специально на видном месте. Сейф стоял в углу спальни, прикрытый небрежно пледом.

Костя был парнем внимательным, хорошо запоминал цифры и вообще любые детали. Однажды шеф не проявил бдительность: открыл сейф прямо при нём. Александру нужно было просто закинуть в этот ящик документы, что привёз курьер, и, видимо, он решил, что Костя всё равно ничего не поймёт и не запомнит. Тот спокойно стоял в дверях, делая вид, что разглядывает картину на стене, а сам боковым зрением следил за пальцами шефа, набирающими

комбинацию: годы рождения Александра и его детей (только числа были перемешаны). Запомнить было просто.

Хитрый охранник подошёл к железному ящику, набрал цифры — сейф послушно щёлкнул и открылся. Костя не сдержал улыбки, увидев содержимое. Он удовлетворенно обронил:

— Наличка... Да ещё рубли вместе с валютой!

Костя неспеша пересчитал «улов». Купюры приятно шелестели. Жирно, очень жирно: он насчитал около шестидесяти миллионов, если всё перевести в рубли. «Неплохо, — подумал он, кладя часть денег обратно в сейф, — плюс ещё драгоценности. Анна говорила, что Ван Гог их быстро реализует, проблем не будет». Аккуратно сложил всё в заранее подготовленный пакет с драгоценностями, затянул его потуже и подошёл к окну, через которое предстояло незаметно выскользнуть. Когда подрядчики кинули шефа и он остался без сигнализации, Александр на скорую руку перед отъездом прикрутил камеру в углу забора. Она охватывала почти всю территорию, но существовала небольшая слепая зона — угол у дальней стены. Костя про эту камеру знал. Когда взялся за дело, он начал проверять посылки, которые возит шефу, и не зря: одна из них как раз оказалась этой «гляделькой». Найти, куда её пристроили, было делом техники, а вычислить слепую зону проще простого: достаточно было пройти вдоль забора и посмотреть, докуда объектив не достаёт.

Поздней ночью Костя оставил мусорный пакет с добычей неподалёку от дома, у кустов, где автомобилист мог подхватить его на ходу машины, потом демонстративно вышел покурить во двор и подставил лицо холодному ночному воздуху. Шеф никому не говорил про камеру, и это было только на руку нанятому охраннику: можно было разыгрывать целые спектакли и не бояться, что кто-то заметит обман. Пока Костя дымил, Аня на своём стареньком «форде» подъехала к заветным кустам, притормозила ровно на секунду около них, подхватила пакет и растворилась в темноте. В голове у Кости между тем проносились картины одна другой краше: вот он тратит награбленное, вот кардинально меняет жизнь (врывается-таки в высшую лигу). Победа, чистая и незамутнённая. Докурив сигарету, он зашёл в дом и лёг спать.

Утром он весело подумал: те, кого они решили подставить, скоро начнут «пасти» дом, высматривать подходы к нему и прикидывать, где и как лучше залезть. Костя после завтрака кружил у окон. Он заметил холм на отшибе: с него он сам бы стал следить за домом, будь он на месте недотёп-грабителей. Спустя какое-то время у подножия холма мелькнули два силуэта: мужчины лезли вверх и вскоре оказались на самой удобной для обзора коттеджа точки возвышенности. Мало одетый Костя с важным видом сделал себе коктейль, вышел во двор и двинулся от дома к бассейну, к которому вела дорожка из идеально ровных бетонных плит, уложенных с математической точностью. Он поставил напиток на стол и плюхнулся в бассейн, раскинув руки. «Наверняка придурки на холме думают, что я тупой болтун-охранничек, помещанный на девках и мнящий себя королём», — пронеслось у него в голове.

Ночь ограбления. Костю, привязанного к стулу пластиковыми стяжками, разместили в спальне хозяев. Крепления больно впивались в запястья. Константин имел вид человека, смотревшего откровенно дурацкий сериал: «рабочий процесс», разворачивающийся как перед ним, так и далеко от него, в других комнатах, казался ему до ужаса нелепым. Двое в масках, пыхтя и матерясь, носились по дому. Рюкзаки для вещей они кинули на пол около кровати. Иногда ошалевшие от вида чужого богатства дружки врезались друг в друга. «Счастливики»-грабители брали всё, что блесло. При этом их радостные вопли эхом прокатывались по коттеджу.

— О-о-о, глянь, что нашёл! — донёсся в какой-то момент из зала для приёма гостей голос того, что пониже.

— Да ты чего! Это же... это же реально жир! — отозвался второй, полный такого искреннего, почти детского изумления, что Костя еле сдержался, чтобы не рассмеяться.

Они явно впали в экстаз от похищения того, что он нарочно оставил для них. Это вызвало у связанного чувство странного, брезгливого удовлетворения. В голове его промелькнула шальная мысль: «Может, стоило побольше забрать, а этим двоим оставить совсем уж крохи?» Но он тут же одёрнул себя, вспомнив старую как мир поговорку про жадность фраера, до добра не доводящую.

Наконец поделщики вернулись в спальню и заметили сейф. На миг они затихли. Через короткий промежуток времени послышались напряжённое сопение и лязг металла. Костя, размещенный лицом к сейфу в середине громадной спальни, услышал грозный рык, вырвавшийся из горла одного из грабителей:

— Пароль!

— Что? Пароль? — переспросил Костя с предательской язвительной ноткой в голосе.

Задавший вопрос метнулся к нему и — БАЦ! — удар правой был жёстким, без замаха. В глазах у бедолаги потемнело, а челюсть пронзила страшная боль. «Сочтёмся ещё, сучёнок», — мысленно пообещал Константин, сплёвывая кровь на пол.

— Спрашиваю ещё раз: какой пароль!

— Откуда мне знать? Думаешь, что босс мне пароли доверяет? Я тут чисто за хатой присматриваю, — ответил он, с дикой злобой взглянув на взбешённого грабителя.

Последовал второй удар в челюсть, от которого голова мотнулась в сторону.

— Гонишь! Знаешь ты всё! Не скажешь — автогеном тебя чутка подровняем, — попытался взять на понт тот, что повыше.

— Подровняй, делай что хочешь. Говорю же: не знаю пароля, хоть убей.

— Аккуратней с желаниями надо, а то исполнятся! — заорал тот, что повыше, и толкнул стул вместе с Костей.

Стул рухнул на пол. «Сука! Аня не говорила, что он такой психованный», — пронеслось в голове у Кости, пока он падал. Краем глаза он заметил, что второй, который пониже, молча и деловито колдует над сейфом, не обращая внимания на крики напарника. В его движениях чувствовалась та спокойная уверенность, какой не хватало высокому.

— Ну чего там? Долго ещё?! — спрашивал тот, что повыше, явно теряя терпение.

Второй не ответил. Он лишь жестом показал: иди, обыскивай дальше, не мешай. Пока тот, что повыше, метался по необследованным комнатам, хватая всё, что, по его мнению, представляло ценность, и распахивая сворованное по карманам, низкий «договаривался» с сейфом. Слава, чей комбинезон был набит до отказа ценными вещами, встал около друга и нетерпеливо затопал ногой. Сейф, наконец, «сдался».

— Охренеть, — обронил тот, что пониже, заглянув внутрь, и в его тоне послышалось неподдельное изумление. — Наличка, прикинь!

Они почти синхронно и оперативно положили пачки в рюкзаки. Костя услышал звук застёгивающихся молний.

— Ну всё, валим! — резюмировал Тимур.

— Сейчас я этого вырублю.

«Ну вот и приехали», — подумал Костя. Тот, что повыше, поднял стул вместе с избитым, кряхтя от натуги. Со всего размаха Слава неумело и грубо ударил связанного по голове. Стул снова упал. Костя на этот раз не сдержался и разразился отборными матюгами. В конце своей гневной короткой тирады он спросил:

— Мать твою, да ты чего творишь? Да кто так вырубает?!

— Смотри-ка, блин, не вырубается! — удивился тот, что повыше.

— Дай я, — сказал тот, что пониже, подняв стул с несчастным человеком.

— Да вы чего, угораєте, что ли? — недоуменно крикнул Костя, поглядев на них снизу вверх.

Удар. Снова свидание с полом. У Кости в голове зазвенело, перед глазами всё поплыло.

— Ну всё, вроде вырубился, валим.

— Валим, — поддержал тот, что повыше.

Оба друга пошли на первый этаж в сторону выхода.

На самом деле Костян просто притворился, что вырубился, стойчески скрыв боль. Он лежал на холодном полу и с удовольствием слушал, как хлопает входная дверь и как на улице затихают шаги грабителей.

Глава 3

Ранним утром у дома царил дикий хаос: полицейские сновали, как муравьи в разворошённом гнезде, рядом с коттеджем приткнулась карета скорой, где Косте оказывали необходимую помощь: бинтовали голову, светили специальным фонариком в глаза, задавали дурацкие вопросы про самочувствие. Одни стражи порядка стали после медицинского осмотра и помощи записывать его показания, другие бродили по участку с целью обнаружения улики, щёлкали фотоаппаратами. Третьи выискивали тех соседей, которые уже заехали в дома (таких оказалось совсем немного), просили записи с камер, которых, разумеется, ни у кого из жителей не оказалось.

Костя вернулся к дому и сел на ступеньки крыльца. У него раскалывалась голова. Врач скорой, молодой парень, сообщил, что у него сотрясение, и посоветовал ехать в больницу. Вместо этого Костя достал телефон и набрал Александра. Шеф мог бы стать свидетелем последних актов спектакля, режиссёрами которого выступили Костя и Аня, так как интернет у того океана, на берегу которого Александр с семьёй отдыхал, был прекрасный, то есть возможность подключиться к камере и всё посмотреть боссу могла быть предоставлена, но Константин не стал демонстрировать ему картинку а-ля криминальный «Сад земных наслаждений» Иеронима Босха. Вместо этого охранник просто позвонил.

— Алло, шеф... Тут такое дело... — промямлил Костя, прижимая трубку к уху и морщась от боли.

— Ограбление? — спокойно отозвался Александр.

Костя замялся, как школьник, которого поймали на списывании.

— Ну... да. Откуда вы знаете?

— Птичка нашептала, пока ты спал. Или не спал?

— Да меня вырубили, шеф! Утром только в себя пришёл, честное слово! — Костя перешёл на фальцет, и он сам это услышал, отчего стало совсем тошно.

Александр вздохнул так, что, казалось, над океаном пронёсся ураган, а потом заговорил вкрадчиво, медленно, очень медленно, чтобы Костя отчётливо услышал каждое его слово:

— Слушай очень внимательно. Давай обозначим сразу на берегу один момент. Если я узнаю, что ты к этому причастен, здоровье своё ты вряд ли когда-нибудь сможешь полностью поправить. Понимаешь, о чём я? Но если сознаешься сейчас и всё вернёшь, то максимум на костылях попрыгаешь пару месяцев. Даю один шанс.

Голос шефа звучал грозно и твёрдо.

— Александр Андреевич, да я бы ни в жизнь! Отвечаю! Хотите, найду их? Всех, кого знаю, подниму! — забормотал Костя.

— Хочу, — невозмутимо ответил шеф. — Если найдёшь, с меня причитается. Я буду через день, может, два. Держи меня в курсе. Излагай ментам всё подробно, до последней крошки.

— Так точно, шеф!

— Сейф? — коротко спросил Александр.

— Вскрыли. Драгоценности разные стащили, — выдохнул Костя, прижимая ладонь к забинтованной голове.

Александр молча положил трубку.

— Что там? — спросила Ирина, подошедшая к мужу сзади и присевшая рядом на шезлонг (она спокойно помешивала в данный момент коктейль соломинкой).

— Нас ограбили, — сообщил Александр, вперив взгляд в бескрайний океан перед собой.

— Нас?! — Ирина чуть не выронила бокал. — Нас? Нас!?

— Нас, нас, да.

— Мне уже их жалко, — она сделала глоток. — Как думаешь: Костя твой замешан?

— Не думаю. Он кажется не настолько отмороженным. Обещал постараться найти тех «болванчиков». В любом случае мы их всех достанем, тогда и станет ясно, замешан Костик или нет.

— Что планируешь делать, когда найдёшь?

— Планирую сделать так, что будут на врачей работать остаток жизни, — с улыбкой ответил Александр.

— Ну ты чего? Тебе уже не по статусу такой ерундой заниматься. Отдай их полиции просто.

Александр рассмеялся и, когда немного успокоился, поинтересовался у супруги:

— Вот так анекдот! С каких это пор мы такими добрыми стали? Напомнить тебе, как у тебя ресторан свой появился?

— То была вынужденная демонстрация силы, а сейчас нам уже ничего никому не нужно доказывать.

Александр приподнялся с шезлонга, обнял Ирину и, нежно поглаживая одной рукой её спину, сказал:

— Отдыхай с детьми дальше, если хочешь. Всё оплачено. А мне нужно...

— Да, конечно, езжай, — перебила его Ирина, высвобождаясь из объятий. — Я тут отдохну, сама справлюсь, не маленькая уже. Только держи в курсе, что да как там.

— Хорошо.

— Давай пари? — предложила Ирина, в глазах которой загорелся озорной огонёк, который поразил Александра ещё во время их первой встречи.

— Какое?

— Если Костя твой замешан, с тебя кругосветка.

— А если не замешан?

— То с меня кругосветка, — хитро улыбнулась Ирина, покручивая соломинку в бокале.

— Ну что, спорим?

Александр задумчиво посмотрел на пляж перед собой.

— Спорим.

Слава и Тимур отнесли «улов» в гараж последнего. На верстаке громоздилась среди гаечных ключей и всякой технической ветоши наличка, приятно пестревшая в тусклом свете, как клад из дешёвого голливудского фильма про пиратов. Два друга, ошарашенные удачей, стояли перед верстаком как вкопанные. Наконец Слава хлопнул приятеля по плечу, едва не сбив того с ног, и провозгласил:

— Ну что, Тимурский! Я же говорил: сильно меньше копить на мастерскую придётся! Семь с половиной миллионов на рыло, как с дерева перезрелое яблоко, свалились просто! А я, наверно, реально почти все долги закрою. Глядишь, заживу спокойно, тихо, как нормальный человек.

Тимур искренне улыбался. Он начал в пятый раз пересчитывать купюры. Пальцы немного дрожали, а в голове не укладывалось, что эти бумажки теперь его.

— В жизни таких денег в руках не держал... С брюликами-то что? Попозже сгоняем к Ван Гогу, чтобы сплавить? Интересно, сколько выйдет.

— Ты не шаришь, Тимур! — радостно воскликнул Слава и демонстративно потряс указательным пальцем перед лицом товарища. — Наоборот, сегодня ехать надо, пока менты той хатой занимаются, описывают, чего сколько пропало! Сейчас самое время всё реализовать. Скоро всё выяснят, поймут, что к чему, своих везде расставят, и тогда уже поздно будет дёргаться и что-то сбывать.

— Везде — это где? У Ван Гога, что ли? — спросил Тимур, откладывая очередную пачку. — Наоборот, не надо спешить. Чего с этими брюликами сделается? Нам пока налички хватит, чтобы, не отвечивая, дела вести.

— Нет, сегодня надо, край — завтра! — Слава стукнул кулаком по верстаку так, что инструменты подпрыгнули. — Пока тёпленькое всё, пока фартит. Сразу всё в наличку переведём, пополам разделим и свалим по-тихому, чтобы не светиться вместе. Понимаешь?

— Нет, не понимаю.

— Ну и не понимай, — твердо ответил Слава. — План мой. Всё, как я говорил, так и вышло. Опыта у меня в таких делах побольше твоего, так что сделаем по-моему, не парься. Ну чего, выпьем и погнали?

Тимур покосился на сосчитанные деньги, потом на Славу, потом снова на деньги и сказал:

— Ладно, хер с тобой, погнали.

Константин наконец-то отделался от полицейских. Слава богу, выдумывать ничего не пришлось: он просто выложил всё как есть, без прикрас. Пришлось повторить историю ограбления раз пять, не меньше. Теперь пора было выполнить обещание, данное шефу, — найти балбесов-грабителей. Задача не ахти какая сложная. Аня рассказала, что нетерпеливый Слава почти сразу поедет сбывать драгоценности, чтобы как можно быстрее закрыть вопрос и забыть про заваруху. Оперативно выкупить, предварительно оценив достаточно редкий украденный товар без лишних вопросов, мог только Ван Гог — фигура, в узких кругах хорошо известная. Он был скупщиком, которому не задают лишних вопросов и имя которого произносится шёпотом. Славу с ним свела всё та же Аня. Костя узнал про Ван Гога через неё же, то есть поимка горе-подельников была плёвым делом.

Костя, немного придя в себя и отделившись от бинтов, от которых чесалась голова, поехал караулить тачку Славы у места работы Ван Гога. Он припарковался так, чтобы видеть вход в ломбард, но самому оставаться незаметным. Точка скупщика была ему хорошо известна. На её фасаде была повешена обычная вывеска «Скупка золота и драгоценностей», но внутри ломбард представлял собой крепость, вход в которую охранял цербер хозяина — здоровенный амбал по кличке Кирпич, типа работник ломбарда. Прозвище то ещё, но работничку подходило: выглядел охранник как персонаж детского рисунка, состоящий из геометрических фигур: голова-куб, плечи-прямоугольники шириной с дверной проём; дурацкая стрижка с торчащими вверх прядями лишь подчёркивала эту грубую геометрию, но внешность, кричащая о глупости и грубости своего обладателя, была обманчива. Кирпич был очень сообразительным человеком.

Когда Ван Гог брал выходные дни, всем заведовал охранник (их бизнес должен был «работать» без перерывов).

Костя знал: после сбыта драгоценностей их уже Александру Андреевичу не вернуть, а именно этого Костик и хотел. Максимум, что после приёма украшений ломбардом можно сделать — это попытаться выкупить цацки, но это вряд ли бы удалось. Всё, что попадало к Ван Гог, тут же утекало по тёмным каналам, растворялось где-то в бескрайних просторах чёрного рынка. Работал продавец краденого чётко, без косяков, и шеф Кости сказать Ван Гог не может: «Мол, верни обратно». Ван Гог был неприкасаемым в криминальных кругах. Ходили слухи, что он исправно отчисляет немалую долю от своей прибыли в общак, а это дело святое; таких ответственных людей трогать нельзя.

Спустя некоторое время Костя заметил, как двое — высокий и низкий — прошмыгнули в ломбард, предварительно осмотревшись. Губы недавно предававшегося тяжёлым размышлениям наблюдателя тронула торжествующая хищная улыбка.

— Здорова, Кирпич! — с энтузиазмом выпалил Слава и шагнул к окошку, за которым маячила квадратная физиономия.

Помещение, в котором оказались друзья, больше напоминало шлюз, разделяющий миром обычный и мир теневой. Никаких витрин с золотом, никаких ценников — просто бетонная коробка с облупленными стенами и единственной лампочкой под потолком. Первое, что видели проходящие, — стойку с узким окошком из толстого стекла, за которым угадывался пульт с кнопками и мониторами — пункт управления этой бетонной крысоловкой-шлюзом. В этой камерке-пункте и восседал Кирпич, наблюдая за гостями. Позади Славы и Тимура осталась входная дверь, которая выглядела хлипкой только снаружи: в стене слева была ещё одна — глухая, бронированная, ведущая, по-видимому, в святая святых; напротив второго прохода одиноко стоял металлический стол.

Тимур, стоявший за спиной друга, не издал ни звука и лишь нервно переминался, шаркая подошвами по грязному полу.

— Для тебя я дядя Гена, сынок. Ещё раз так назовёшь — язык вырву. Чего надо?

Слава и ухом не повёл. Он бодро выдал:

— Мы к Ван Гог. Вам должна была про нас сказать девушка Анна. Тут у нас кое-что на кругленькую сумму.

— Некто Вячеслав я так понимаю? — уточнил Кирпич.

— Именно он, — подтвердил Слава.

Дядя Гена захлопнул окошечко, на вид обычное, но на деле пуленепробиваемое, как и почти всё в этом ломбарде, который снаружи выглядел как обшарпанная дыра, а внутри был укреплен не хуже военного бункера. Амбал достал телефон, набрал кого-то, коротко перекинулся парой фраз, потом снова открыл окошко и скомандовал:

— На месте стойте.

Кирпич нажал кнопку под прилавком — входная дверь за спинами гостей щёлкнула (это означало, что она намертво заблокирована). Тимур побелел, упершись в приступе лёгкой паники взглядом в эту дверь. Слава старался сохранять невозмутимое выражение лица, но самоконтроль упал почти до нуля.

Кирпич неспешно выбрался из своего закутка, захлопнул за собой дверь и встал напротив двух друзей, заслонив проход.

— Сумку на стол. Вон на тот.

— Ну уж нет, — попытался возразить Слава.

— Ну уж да. Либо сумку на стол, либо до свидания, — хриплым голосом оборвал его Кирпич.

Слава, сделав вид, что всё под контролем и это он сам так решил, положил сумку на указанный стол.

— Руки подняли, — скомандовал дядя Гена.

Спорить было бесполезно, и воришки подняли ладони. Кирпич достал металлодетектор, провёл им вдоль тел медленно, тщательно. Детектор пикнул.

— Металлическое тоже на стол. Всё выкладываете и с первого раза, без приколов.

Тимур выложил ключи, телефон, снял ремень и кинул поверх сумки. Слава замешкался, но сделал то же самое (только ремня у него не было). В последний момент нехотя достал пистолет, подержал его в руке, бросил виноватый взгляд на Кирпича.

— Ты серьёзно сейчас? Припёрся сюда со стволом? — злобно спросил здоровяк-охранник.

— Да это травмат, он для самообороны.

— На стол, — скомандовал Кирпич.

Амбал ещё раз проверил клиентов ломбарда детектором, убедился, что всё чисто, потом подошёл к сумке, заглянул внутрь, проверил содержимое и кинул её Славе со словами:

— Короче, это всё забирайте. А пукалка твоя пока у меня побудет. Сам всё понимаешь.

— Понимаю, — ответил Слава, поймав сумку.

Кирпич вернулся в свою каморку, нажал ещё одну кнопку — открылась другая дверь, ведущая вниз.

— Заходите. Чего стоите? — буркнул Кирпич, приоткрыв окошко.

Двое спустились по лестнице в подвал, где их уже ждал сидевший за столом Ван Гог. На самом столе лежал только набор специальных инструментов для оценки: лупы, пипетки, пузырьки с реактивами. За его спиной виднелась комната, отделенная от остального пространства металлической решёткой, и в её полумраке угадывались силуэты полок и поставленных на них коробок.

— Целые катакомбы, блин, — шепнул Тимур, озираясь.

— Проходите, не стесняйтесь, гости дорогие, — приветствовал их хозяин.

Ван Гог был мужчиной среднего роста, крепким, весь в татуировках (кроме лица, которое было чистым, как холст). Прямые русые волосы, ярко-голубые глаза, обманчиво-дружелюбная улыбка на красивом, слегка щетинистом лице. Парень явно выиграл генетическую лотерею; многие говорили, что он мог бы стать актёром, причём ему даже говорить особо не надо было: он мог просто молчать в кадре, но всё равно притягивать взгляды. Но стоило ему повернуть голову вправо, как становился заметным один изъян, сразу разрушающий всю идеальную картинку.

Прозвище Ван Гог он получил не из-за любви к искусству (реализацией картин он занимался редко, предпочитая им ювелирные украшения). Много лет назад на дне рождения, на котором присутствовал русоволосый красавец, один из гостей сильно набрался. Весь вечер девушка, в которую этот гость был по уши влюблён, откровенно игнорировала беднягу-ухажёра, всё своё внимание уделяя Ван Гогу: улыбалась неслучившемуся великому актёру, что-то шептала, касалась его плеча. Правда, тот никак на неё не реагировал. Однако смесь из жгучей ревности и спиртного ударила безнадёжно влюблённому молодому человеку в голову. Он накинулся на сидящего за праздничным столом Ван Гога и в припадке пьяной ярости откусил ему верхнюю часть левого уха. Пришить обратно оторванный кусок плоти не смогли. В итоге на месте повреждения образовался рваный, бугристый рубец, на фоне безупречной внешности выглядевший особенно дико. Что стало с тем отморозком потом, никто не знал, да и сам Ван Гог эту историю никогда не комментировал, предпочитая, чтобы о его прошлом ходили лишь слухи и смутные догадки.

— Ну-с, показывайте, с чем пожаловали, — иронично сказал Ван Гог и откинулся на стуле, скрестив руки; взгляд его, холодный, оценивающий, упёрся в пришедших.

— К чему та проверка наверху? Мы же от Анны, сам знаешь, — раздражённо спросил Слава.

— Знаю, знаю. Доверяй, но проверяй. К тому же видел благодаря камере, что ты со стволом припёрся.

Ван Гог усмехнулся уголком рта.

— Это для самообороны, — ответил Слава, демонстрируя, что оправдываться ниже его достоинства.

— От кого ты тут обороняться собрался?

В вопросе Ван Гога прозвучала насмешка.

— И то верно, не подумал, — согласился Слава, потянувшись к сумке.

Он начал выкладывать содержимое на стол неторопливо, как товар для аукциона.

— Ого-го, вот это «улов»!

Ван Гог явно был доволен. Его пальцы, украшенные татуировками, перебирали драгоценности. В какой-то момент он ловко подхватил массивный перстень с камнем и гравировкой в виде цветка. Он подержал его в руке дольше остальных цацек, покрутил, прищурился, словно пытаясь разглядеть души камня и металла, слитые воедино.

После визуального осмотра он потянулся к крохотным пузырькам, пипеткам, странным порошкам. Слава молча наблюдал, как Ван Гог методично проверяет каждую вещь: капля реактива, лёгкое протирание, пристальный взгляд. Это был особый ритуал, смысл которого был понятен лишь посвящённым.

— Ладно, всё понятно, — наконец произнёс Ван Гог.

Он встал, плавно прошёл к решётчатой двери, скрылся за ней, но через пару минут вернулся с толстой пачкой купюр, которую небрежно бросил на стол со словами:

— По пять миллионов каждому. Улов жирный. Красавцы. Можете теперь заслуженно отдыхать где-нибудь за бугром.

Пацаны замерли. Сумма явно превышала их самые смелые ожидания. Слава очнулся первым. Он с трудом сдержал ликующую улыбку, сделав вид, что такая цифра для него в порядке вещей.

— Всё отлично! Спасибо, мы пойдём, — бормотал он, пока торопливо клал деньги в сумку.

Тимур наконец-то вышел из ступора и недоумённо спросил:

— Слушай, а с чего такая щедрость?

«Да заткнись ты! — мысленно обратился к нему Слава. — Берём бабки и валим!»

— Почему же щедрость? — вежливо спросил Ван Гог и слегка повернул голову вбок (улыбка стала чуть шире, а рубец на ухе мелькнул перед глазами механика). — Вы принесли хороший товар, достойный, я бы сказал. А я человек чести: за хороший товар хорошо плачу. Вам, в свою очередь, захочется вернуться, если чего найдёте эдакого, или вы направите ко мне того, кто найдёт что-то ценное, стоящее, если будете знакомы с ним. Сарафанное радио, короче.

— И чего ты? Сколько сам на этом наварись? — не унимался Тимур, не вовремя решивший стать смелым и дерзким.

— А вот это тебя волновать не должно. Некрасиво в чужой карман лезть, — голос Ван Гога стал твёрдым как сталь. — Вы принесли, а я предложил цену. Судя по тому, как этот уже всё быстренько убрал, с суммой оплаты вы согласны. Всего хорошего, господа. Выход там же, где вход.

— А что если вдруг... — начал было Тимур.

— Да захлопнись ты уже! Всю дорогу молчал, блин. Чего сейчас понесло-то? — прошептал Слава, впиваясь гневным взглядом в напарника и, повернувшись в сторону Ван Гога, зачистил:

— Всего хорошего, товарищ Ван Гог. Приятно иметь с вами дело. Мы пошли.

Произнеся последние слова, Слава подошёл к торговцу украшениями, протянул руку для пожатия, пытаясь сгладить неловкость ситуации.

— Не жму руки, извините. Ничего личного, — нейтральным тоном сказал Ван Гог, не шевельнув ни единым мускулом конечности.

— Ладно, до свидания, — выдавил из себя Слава, сглотнул, опустил руку и попятился в сторону выхода.

Тимур молча следовал за ним. Поднявшись по лестнице, оба вопросительно посмотрели на Кирпича.

— Всё в порядке, можешь открывать, — сказал Слава, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо и спокойно.

— Да я в курсе, что в порядке. Приходите к нам ещё, двери всегда открыты.

Кирпич нажал на кнопку — входная дверь издала резкий металлический звук. Путь был свободен. Нажал другую — дверь за спиной, ведущая вниз, с таким же звуком закрылась.

— Всего доброго, дядя Гена, — улыбнулся Слава, направляясь наружу.

— Стоять, сынки! — остановил их Кирпич.

— Чего такое? Сам же сказал, что всё нормально, — нервно отозвался Тимур.

Кирпич посмотрел на Славу и, небрежно махнув рукой в сторону стола, на котором одиноко лежал травмат, произнёс:

— Пукалку свою не забудь.

Глава 4

Костя ерзал на переднем сидении от нетерпения. Наконец-то из ломбарда вышли его «клиенты» — Слава и Тимур. Их довольные, лоснящиеся от радости лица свидетельствовали о том, что Ван Гог не поспешил: отвалил столько, что у бедолаг снесло крышу.

Парни метнулись к своей чёрной тачке. Двигатель взревел, машина сорвалась с места, взметнув клубы пыли и мелкого гравия. Костя молниеносно достал телефон и нажал вызов.

— Биба и Боба⁸ стартовали, — коротко бросил он в трубку. — Скоро скину координаты, работаем. Без палева, ясно? Всё как договаривались.

Использував небольшую часть награбленного, Костя нанял троих молчаливых ребят, умеющих держать язык за зубами, проинструктировал их до начала дела. Костя, в отличие от Славы, хоть немного разбирался в том, как надо следить: он пристроился за машиной поделщиков и ехал на безопасной дистанции, позволяя потоку машин скрывать его присутствие.

Почти пятьдесят минут кружения по городу, нарочитых кругов, неожиданных разворотов... Промзона встретила их ржавыми контейнерами, очертаниями заброшенных складов, и вот впереди замаячил гаражный кооператив. Костя мгновенно оценил ситуацию: сунуться за ними следом гарантировало полный прокол, моментальное обнаружение. Резкий манёвр, и он

⁸ Биба и Боба — собирательные образы пары некомпетентных, глупых или неуклюжих людей, чьи совместные действия приводят к провалу или создают комичную ситуацию. Эти имена используются в американском фильме 1991 г. «Сплошные неприятности» (режиссёр — Дэн Эйкройд), украинском одноимённом мультсериале 2014–2015 гг., снятого Сержио Кунитыным. В мультфильме высмеиваются нравы современной молодёжи, политика и всевозможные социальные проблемы. Боба — это толстый деревенский парень, не обременённый интеллектом и приехавший в город из глубинки, а Биба — ботаник, целыми днями сидящий у компьютера. Два друга-подростка постоянно попадают в нелепые ситуации и приходят к смешным умозаключениям.

свернул на мост, нависающий над рядами гаражей, с которого открывался отличный обзор. Быстренько нашёл подходящую для наблюдения точку, припарковался в тени бетонных опор, натянул капюшон, щёлкнул аварийкой. Вытащил из багажника предупреждающий знак, распахнул капот, принялся демонстративно ковыряться в моторе. Взгляд то и дело скользил вниз, к гаражам.

Машин вокруг — раз-два и обчёлся. Костя успел занять позицию раньше, чем Слава добрался до нужного бокса. Вскоре среди ржавых ворот мелькнул знакомый «полик», тормознул у гаража с облупленными цифрами «шесть» и «семь» на покосившихся створках. Двери распахнулись: первым выскочил Тимур, который поспешил открыть дверь гаража, следом выпрыгнул Слава с сумкой в руке, юркнувшись внутрь, как только дверь приоткрылась. Машину оставили на улице прямо у входа.

«Так и будет там стоять? Удачно ты раскорячился, однако», — подумал Костя, доставая телефон. Сделал фото, обвёл нужный гараж красным кружком, отправил геолокацию кому надо. Убрал знак, захлопнул капот и неспеша съехал с моста, предварительно мельком взглянув на часы.

— Да ну на хер! — наконец-то перестал сдерживаться Слава, вытряхнувший наличку на верстак.

Почти весь путь от ломбарда они ехали в нервном молчании, переваривая случившееся и боясь спугнуть удачу случайным словом.

Слава с улыбкой провёл ладонью по рассыпанным деньгам, ощущая их шершавую, пьянящую плотность.

— По двенадцать с половиной миллиончиков на рыло да за три дня!

— Меньше, — поправил Тимур. — За вычетом... Твой наводчик сколько просил? Семь процентов?

Его явно штормило. Радость от реализации «улова» чередовалась с приступами страха: за такой куш могло «прилететь» так, что костей не соберёшь. Слава почувствовал, что настроение подельника изменилось.

— Ты чего такой бледный опять? То молчишь, то вдруг смелеешь. Волнуешься?

— Волнуюсь? — Тимур нервно рассмеялся (смех этот больше походил на сдавленный кашель). — Да я в ужасе, братан! Мы вообще не понимаем, что стащили и у кого. Сделали, не подумав толком!

— В смысле? — Слава изобразил удивление. — Я же сказал: обычный коммерс, ничего такого.

— Я сейчас не про бабки, — Тимур понизил голос почти до шёпота, — а про брюлики. Этот Ван Гог слишком легко по пятёре нам отстегнул. Вдруг мы спёрли что-то, что дороже денег для владельцев, понимаешь? Бесценное... Такое, что даже обычный коммерс взбесится, перевернёт всё вверх дном, всю жизнь нас искать станет.

— Друг, ты чего-то совсем поплыл.

Слава шагнул ближе к Тимуру, сжал его плечо и произнес:

— Соберись! Отстегнём человечку его долю, свалим из города, заляжем на дно. Чуток передохнём, если хочешь.

Он неожиданно замолчал, взгляд затуманился.

— Ты чего? — насторожился Тимур. — Не пугай меня этой рожей.

— Это у тебя рожа, — ответил Слава. — Я пытаюсь в уме посчитать, сколько будет семь процентов от двадцати пяти миллионов. Подожди, не подсказывай.

— Где-то один и семь, — не удержался Тимур.

— Ну я же просил! — недовольно буркнул Слава, затем достал телефон и застучал пальцами по экрану.

Через пару секунд заорал:

— Ну ни хрена себе! За одну наводку столько? Не жирно будет? Может, уменьшим циферку? Пол-ляма наводчику... И то, наверное, жирно.

— Ты чего?! — Тимур уставился на него, не веря своим ушам. — Мы и так, блин, непонятно во что вляпались. Я чую, прям задницей чую: попали конкретно. Этот Ван Гог слишком резво деньги отвесил, это не просто так. Хотя и чесал про честь, про хороший «улов» и хорошую оплату, но что-то тут не то. А ты ещё наводчика кинуть хочешь? Я против.

— Братан, да я не предлагаю прям кинуть, — Слава застучал пальцами по верстаку. — Так, чисто поменьше отстегнуть. Откуда ей знать, сколько Ван Гог выдал? Ну хер с ним! Лям с половиной пускай будет. Ничего этот наводчик нам не сделает, даже если узнает. Такая сумма ещё подарок. Ну чего, идёт?

— Нет, не идёт, — упорно твердил Тимур, но громкий стук в дверь гаража прервал его речь; друзья вздрогнули.

— Мужики, чёрная машина ваша стоит? Можете убрать? Фургончику моему не проехать... — раздался с улицы незнакомый, очень низкий голос, звучавший, впрочем, вполне миролюбиво.

Тимур, ещё минуту назад едва державшийся на ногах от тревоги, мгновенно собрался.

— Менты, похоже, приехали. Допрыгались... Что делать? — прошептал он Славе.

— Менты бы твою картонную дверь снесли без разговоров, — возразил Слава, лихорадочно сгребая наличку в сумку.

— Эй, мужики, уснули что ли? Слышу же: шебуршите там чем-то. Чё, вам в падлу тачку убрать? Проехать не могу, срочно надо. Если бухаете, то могу сам аккуратно отогнать, — не унимался голос.

— Бандосы, может? — шепнул Тимур, косясь на Славу, который затолкал сумку за верстак.

— Надо было тачку загнать. Ступили, блин. Открывай иди. Только аккуратно. Я за спиной буду.

Слава нащупал в кармане травмат.

— Сейчас иду! — крикнул Тимур, медленно подходя к двери.

Он приоткрыл её ровно настолько, чтобы видеть гостя, но не дать тому пройти внутрь.

За дверью стоял парень ростом под два метра, может, чуть выше, с широкими плечами, плотной фигурой, но без намёка на грузность. Спортивный костюм обтягивал мощный торс, на носу сидела стильная круглая оправа, а на лице играла доброжелательная, но немного безумная улыбка, от которой Тимуру стало не по себе.

— Бухаете, что ли? — спросил парень, заглядывая через плечо Тимура в полумрак гаража. — Или что поинтереснее делаете?

— Не твоя суета, что мы делаем. Чего надо?

Тимур изо всех сил старался, чтобы его голос звучал твёрдо.

— Говорю же: тачку отгоните, пожалуйста. Мне проехать надо.

Парень кивнул на старенький «бусик»⁹, припаркованный в двух метрах от гаража и едва ли не касающийся бампером «фольксвагена».

— А что, в объезд не проедешь? — нервно спросил Тимур.

⁹ «Бусик» — диалектизм, возникший на территории Балтики, Калининградской области; обозначает микроавтобус, маршрутку, коммерческий фургон или небольшой грузопассажирский автомобиль. Слово восходит к немецкому Bus («автобус»): к короткому иностранному слову в русском языке был добавлен уменьшительно-разговорный суффикс -ик.

— Да не гони, дядь. Мне, что, через все гаражи круг давать? Тем более, что хер его знает, дорога там есть или нет.

Тимур окинул незнакомца быстрым взглядом, потом обернулся к Славе, который немного расслабился и перестал сжимать рукоять травмата в кармане.

— Сейчас иду, — сказал Тимур, хлопнув дверью прямо перед носом парня.

— Дай ключи, — обратился он к напарнику. — Ты хер ли там так раскорячился? Нормально поставить не мог?

Слава молча кинул ключи, которые Тимур ловко подхватил на лету.

— Ну бывает, чего ты. Просто отгони. Видимо, реально просто мимо проезжал, ничего такого, — сказал окончательно успокоившийся Слава.

Тимур вышел, дошёл до тачки и сел в неё, завёл, проехал вперёд, за угол гаража. «Бусик» двинулся следом; он будто случайно прижимался к той стороне, где стоял гараж, перекрывая обзор.

Из задней двери фургона, словно ниндзя, бесшумно выскочили трое. Ловко ворвались внутрь гаража. Двое мгновенно скрутили Славу, не успевшего даже дотронуться до кармана с оружием, и ударили его под дых. Крик у Славы, сложившегося пополам, застрял в горле. Тем временем ни о чём не подозревающий Тимур сидел в «фольксвагене».

— Спасибо! — крикнул парень, дружелюбно махнув Тимуру из «бусика».

Тот машинально махнул в ответ, проследил, что фургон скрылся за гаражами, отъехал назад, припарковал авто, вышел из машины, направился к гаражу.

— Заходи, не бойся, — раздался изнутри знакомый голос.

Тимур замер на пороге. В помещении стоял довольный Костян, держа его на мушке, а рядом двое мордovorотов ловко «упаковывали» Славу: тряпка уже торчала у того изо рта, руки были заведены за спину и скованы наручниками.

— Бежать не советую, — спокойно продолжил Костян. — Там тебя встретят и разговор уже будет другой. Проходи, общаться будем.

Тимур, стараясь сохранить остатки самообладания, шагнул внутрь; колени его подгибались, страх сдавил сердце.

— Ну чего? Где бабосик? — деловито спросил Костя, не опуская пистолет.

— Не тут, — ответил Тимур. — Ехать надо.

— Куда ехать?! — Костя резко опустил руку с оружием, кинулся к Тимуру и схватил его за ворот одной рукой, дёрнул на себя так, что ткань затрещала. — Давай сразу всё выкладывай что, куда, как!

Для пушей убедительности Костя приставил к виску жертвы пистолет. Тимур задрожал. В этот момент в проёме возник тот самый «доброжелательный» парень из «бусика».

— Нормально всё? — басом протянул он спокойно, облокотившись о косяк.

— Зайди, — скомандовал Костя, не отпуская Тимура; пистолет он спрятал в карман пиджака. — Обыщи-ка тут всё.

— Да ты прикалываешься? Тут задолбаешься рыться в этом хламе, — парень прервал свою речь, лениво пнул ржавую канистру (грохот разнёсся по всему гаражу), затем продолжил: — Сделаем проще.

Он шагнул к Славе, который мычал что-то нечленораздельное сквозь тряпку. В руке подошедшего непонятно откуда взялись плоскогубцы, старые, с потёртыми ручками, но явно исправные.

— Мы сейчас этому, — указал он плоскогубцами на пленника, — будем ногти выдирать. А когда они закончатся, сломаем кости пальцев. Если это не поможет, начнём ломать что-то другое, пока ты всё не скажешь.

— Да ехать надо, сказал же! — заорал Тимур. — Покажу куда!

— Если приедем, а там пусто... — парень приблизился вплотную, и Тимур почувствовал его дыхание, тёплое, яблок, — и ты просто тянешь время... Я очень разозлюсь. А когда я злюсь, то плохо контролирую свои действия.

Он приподнял плоскогубцы: блеснули зубцы, сквозь которые, как через прицел, парень посмотрел на Тимура, не мигая.

— Ещё раз спрашиваю: правда хочешь прокатиться.

— Отпустите нас, если скажу?

— Ну, это у босса спросить надо, — парень перевёл взгляд на Костю и продолжил: — Что скажешь, шеф?

Шеф даже не взглянул на него. Он пальцем указал на Славу, который заваливался на бок, мыча что-то нечленораздельное сквозь тряпку.

— Поднимите этого.

Мордovorоты резко поставили на ноги пленника. Тот захрипел, голова безвольно мотнулась. Костя подошёл неторопливо, размял плечи, размахнулся и последовало два коротких, хлестких удара в челюсть, раздался влажный, чавкающий звук. Слава обмяк, голова закачалась, как у сломанной куклы.

— Это тебе за тот раз, — сказал Костя, отступая на шаг. — А теперь покажу, как надо рубить.

Он обошёл Славу, который еле держался на ногах и закатывал мутные глаза, и демонстративно, несильно шлёпнул ладонью по темечку свою жертву, затем проговорил:

— Можно, конечно, по затылку... Но так и убить недолго, если не рассчитать силу.

Он снова обошёл Славу и, остановившись перед лицом жертвы, сказал:

— Лучше в бороду. Сейчас покажу. Чего? Сказать хочешь что-то?

Костя вытащил тряпку изо рта, и Слава, сплюнув, начал сыпать угрозами, с трудом фокусируя взгляд:

— Если бы меня не держали... ты бы у меня через дверной проём уже пролетел, петушок.

— Петушок значит?

— Петушок, ага, — подтвердил Слава.

Последовал удар в челюсть снизу вверх, чёткий, без замаха. Слава рухнул, не издав ни звука.

— Вот так надо рубить, понял?

Костя обернулся к Тимуру, вытирая руку о штанину.

— Понял, — прошептал тот, глядя в бетонный пол.

— Машину подогнал? — крикнул Костя «доброжелательному», который всё это время стоял у двери, спокойно поигрывая плоскогубцами.

— Ага, — протянул тот с улыбкой.

— Этого пока грузите. А с этим ещё потолкуем.

Костя уставился на Тимура.

— Ну чего, герой? Где бабки?

— А чего вы?... Куда его? Что сделаете с ним? — проямлил механик.

— Ты всё сам узнаешь. Поедешь с нами. Только в каком состоянии тебе решать, — Костя шагнул ближе, и Тимур невольно отшатнулся в сторону, упёршись спиной в прохладный стеллаж. — Но не парься: жить будете. Просто приобретёте себе неожиданно пару долгов. А их размер уже шеф озвучит.

Тимур замер, потом, словно во сне, побрёл к верстаку, вытащил сумку, бросил её в ноги Кости.

— Ну вот и отлично. Садись, поехали. — Костя указал в сторону выхода. — Убежать даже не пробуй: всё равно найдём. Только из-за геморроя, что ты нам доставишь, долг вырастет. А

до кучи... — он обвёл взглядом гараж, задержался на яме, на стеллажах с инструментами, — может, и это всё снесём к херам или ещё чего похуже. Так что спокойно, без суеты, понял?

— Понял, — выдавил Тимур и застыл с каменным лицом на месте.

Костя внимательно перебрал содержимое сумки: купюры, перетянутые резинками, тускло белели в свете голой лампочки.

— Драгоценности, я так понимаю, сдали уже?

— Да, Ван Гог, — сразу же ответил Тимур.

— Очень плохо. Значит, долг будет ещё больше. Ладно, иди. Парень, сопроводи нового друга. А вы двое тащите его поделщика в нашу тачку.

Тимур на ватных ногах пополз на улицу. Константин проследил, чтобы вся компания без происшествий вышла, затем подхватил сумку, заботливо выключил свет в помещении, вышел, прикрыл за собой скрипучую дверь, отошёл подальше, чтобы его не могли слышать. Достал телефон, набрал шефа.

— Алло, Александр Андреевич? Всё готово. Виновники найдены. Какие дальнейшие указания?

— Шутишь? Нашёл почти за день? — удивлённо спросил босс. — Если это правда, получается, ты лучше полиции работаешь. Кто такие?

— Так... связи у меня кое-какие имеются. Шпана обычная, ничего особенного.

— Слишком уж эта шпана хорошо осведомлена... Запаковал их?

— Да. Куда везти?

— На ферму мою вези. Прямо туда, где скот разделяют. Пускай немного напрягутся. Я предупрежу, что вы приедете. У меня рейс прямой, поэтому скоро буду.

Костя убрал телефон, сунул его во внутренний карман пиджака, пощупал его (пистолет на месте), быстро прошёл к машине, запрыгнул на переднее сиденье «бусика», а сумку поставил себе под ноги.

Машина представляла собой старый, выдавший виды фургон тёмно-синего цвета. Краской на его дверях облупилась; фары, казалось, вот-вот погаснут, но ничего такого не происходило: они упрямо продолжали светить. Виднелась пара трещин на лобовом стекле. Салон был под стать внешнему виду авто: потёртые сиденья; приборная панель, на которой стрелки дёргались в нервном тике; тяжёлый руль без гидроусилителя, который нужно было крутить с огромной силой, словно борешься с невзрачным транспортом. В «бусике» гремела какая-то дворовая музыка. За рулём развалился «доброжелательный» парень, который представился коротко: «Ярик». Вид у него был тот ещё: золотая круглая оправа на пол-лица, белые кудрявые волосы, явно крашенные, чёрный спортивный костюм, обтягивающий двухметровую накаченную тушу, и раздражающая ухмылка.

— Чего, куда? — поинтересовался Ярик, сверкнув глазами.

Костя достал телефон, провёл по нему пальцем, затем молча ткнул в экран, на котором виднелся адрес. Ярик глянул мельком, ухмыльнулся и дал газу. «Бусик» дёрнулся с места и поехал, подпрыгивая на ухабах промзоны.

На заднем сидении, вжавшись в обивку, сидел связанный Слава, ещё не до конца пришедший в себя после ударов. Голова его моталась в такт тряске. Тимур, бледный, с трясущимися губами, смотрел на заляпанный грязью пол машины. По бокам друзей, как две мрачные статуи со старинного европейского кладбища, сидели мордовороты в масках. За всё время ни один из похитителей незадачливых воришек не проронил ни звука.

— Они у тебя хоть разговаривать умеют? — не удержался Костя от вопроса, кивая назад.

— О, они ещё те ораторы! — сказал Ярик и хохотнул. — Если начнут, потом не остановишь. Им лучше не начинать. Чего, «валюме»¹⁰ накинута?

¹⁰ Под «валюме» (от англ. Volume – надписи на магнитоле, которая находится рядом с регулятором звука) здесь имеется

— Накинь, — согласился Костя, устраиваясь поудобнее на сиденье.

Ярик прибавил звук, и из колонок понеслось что-то тяжёлое, с рваным битом и матерными речитативами. Костя покосился на водителя. «Стиль у тебя чёткий, конечно», — подумал он, разглядывая нелепое сочетание внешности, одежды и аксессуаров (явно очень дорогой оправы на огромных синих глазах, золотой толстой цепочки на мощной шее, выпирающей из ворота спортивной, и дурацких, крашенных в белый цвет кудрей, торчащих во все стороны).

Ярик почувствовал, что на него смотрят, обернулся, оскалился и неожиданно задал вопрос:

— Слушай, а ты знал, что Папа Римский не может быть донором органов?

Костя напрягся, не понимая, к чему это он, но до него моментально дошло: этот верзила — ходячая энциклопедия бесполезных фактов, которыми, видимо, очень любит делиться со всеми окружающими.

— А ты знал, что у животных тоже бывает аллергия на людей? — не унимался Ярик, крутя баранку одной рукой. — А ты в курсе, что червовый король — единственный король в колоде, у которого нет усов? Прикинь, кометы, скорее всего, пахнут тухлыми яйцами. А ещё говорят, люди, которые больше матерятся, меньше врут. И вообще, человек — единственное существо, которое умеет краснеть.

Он сыпал подобными фактами всю дорогу, разбавляя собственными размышлениями о жизни, Вселенной и человеческой глупости. Костя лишь кивал, изредка изображая удивление, поглядывая в окно на проплывающие мимо серые панельные дома, ржавые гаражи, обшарпанные ларьки. Через пару часов тряски они наконец-то добрались до места назначения.

— Ну всё, приехали! — пробасил Ярик, заглушив двигатель. — Скучно с тобой, Костик. Выгружаемся.

На ферме царила та особая, деревенская тишина, когда слышно, как ветер шумит в кронах деревьев, как где-то далеко мычат коровы. У ворот фермы стоял коренастый мужичок.

— Кто главный? — спросил он, прищурившись.

— Я, — ответил Костя, выходя из «бусика».

Мужичок молча протянул связку ключей, звякнувших в его заскорузлой ладони.

— Это вон от того ангара. Александр сказал, чтоб я сегодня работников отпустил, мне пару поручений дал. Я отъеду, а вы тут занимайтесь.

Команда дождалась, когда старенький уазик с мужичком скроется за поворотом, и сопроводила горе-грабителей к ангару. Слава очнулся, но шёл с трудом: ноги его заплетались, поэтому его вели под руки. Тимур брёл сам, ссутулившись, глядя на раскисшую от недавнего дождя землю.

Внутри ангара пахло прелой соломой. Один из похитителей в маске включил свет. Затем пленников усадили на старые деревянные ящики у труб, крепко прикрепили конечности скотчем к этим трубам. Константин, стоявший спиной к выходу, с удовольствием наблюдал за процессом.

— Ну... В целом всё, — удовлетворённо сказал Костя, обводя взглядом помещение. — Того, который пошустрее, оставь, наверное. А вы езжайте.

— Ага, — протянул Ярик, бросив взгляд на Славу и улыбнувшись широко-широко.

— Чего «ага»? — уточнил Костя.

В тот же миг он почувствовал, как двое помощников Ярика, успевшие перебраться ближе к выходу, встали сзади по бокам. Обернуться он не успел: мощный удар сбоку в челюсть — и свет куда-то пропал. Последнее, что услышал Костя, проваливаясь в темноту, был насмешливый бас Ярика:

— Как ты там показывал вырубать надо?

Глава 5

1999 год. Зимний вечер. Свет фонарей едва пробивался сквозь вихри снега. На обледенелых тротуарах иногда мелькали жёлтые пятна света. Семён Филиппович брёл, засунув руки в глубокие карманы старенького пальто. На сгибе локтя покачивалась авоська с гостинцами для шестилетней внучки — пара пряников, горсть карамелек, бублик, завёрнутый в газету.

Мысли старика (как всегда в такую погоду) уносились туда, где вместо снега были грязь и дым, вместо фонарей — вспышки взрывов, а вместо тишины — нескончаемый грохот орудий, звуки выстрелов. Он свернул в арку, нырнул в тёмный «колодец» двора своего дома. И тут вновь вспомнился бой под Витебском в феврале сорок четвёртого... Тогда тоже валил снег, такой же густой, слепящий, как сейчас. Окопы превратились в ледяные могилы, морозный воздух обжигал лёгкие. Бой был кровавым, жестоким, но Семён пощадил одного раненого немца. Тот лежал в воронке, бледный, дрожащий, с простреленной ногой. Вместо того чтобы добить врага, Семён перевязал ему рану, а потом пленил.

Немец был до глубины души поражён таким милосердием. Как только иностранец более-менее оправился, он попросил привести к нему пленившего его русского. Семён не хотел встречаться с бывшим врагом, но тот замучил всех своей настойчивостью и в итоге встреча состоялась. Во время неё иностранец дрожащими руками достал из внутреннего кармана своей одежды перстень. Что-то горячо тараторил по-немецки. Семён Филиппович немного знал язык и разобрал отрывки: перстень вроде как принадлежал французскому королю Людовику, попал к немцу во время оккупации Франции в сорок первом... Больше они не виделись: война разметала их по разным углам.

После окончания войны и возвращения домой Семён рассказал о перстне только жене. Позже, когда дети подросли и узнали эту историю, не раз просили показать кольцо знатокам. Но старик упорно отказывался. Он говорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.